



СМЕНА

1

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Время, вперёд!

Сорван последний листок календаря. Часы на Спасской башне пробили двенадцать ударов. Мелодичный звон, подвигавший волны эфира, разнёсся по необъятным просторам земной волеи. Их услышал сквозящий туман океанского прибрежья райского острова. Их услышал северный ветер, выходящий из норной на Уральском заводе вместе с последним, двенадцатым ударом весёлой поларки на дальнем арктическом острове. Молодой горновой на лёту доменной печи, Искрас, и сверкая, вырвался на свободу моток расплавленного чугуна — первый чуток нового года. Семья московского стажёра, впервые встречающая Новый год в просторной квартире на двадцать втором этаже высотного здания, поднялась из-за стола и глава семьи, оглядев своих близких, провозгласил:

— С Новым годом, друзья, с новым счастьем! Он пришёл на нашу родную землю, новый, 1953 год, в отглас великих строек, в туле ролнучего создания, в высоком накаде всенародного творчества. Его предшественник, год 1952-й, поработал на славу! В минувшем году волею советских людей была завершена первая из сталинских строек коммунизма. Волга и Дон соединились. По новой магистрали поехали караваны пяти морей. В минувшем году мы впервые прочитали Генеральные страницы нового классического труда товарища Сталина. Он вооружил нас новым, всепобеждающим знанием программы строительства коммунистического общества. Опираясь на сталинское учение, XIX съезд Коммунистической партии начертил обширные, вдохновляющие планы развития нашей Родины, укрепления её мощи и силы, роста благосостояния её граждан.

Вместе со всеми советскими людьми, вместе с миллионом своих товарищей по комсомолу и ты, наш молодой друг, желаешь принять участие в осуществлении этих планов. Они окрылили тебя, сделали дерзкими.

Вместе с Союзом уверенно вступаешь в новый год, самые высокие вершины и демократии. А там, в империалистическом лагере, — страх и сомнение. Для них будущее темно и несомненно. «Время, назад!» — вопит капиталистический крестьянин, полная с лица земли мирными и Малайи, упрямая в решётки тюрьмы кровью поля Вьетнама и Малайи, упрямая в решётки тюрьмы руководителей коммунистических партий. Безумцы! «Только время, вперёд!» — провозглашает ты, наш молодой друг, под знаменем законов истории. Сталин, выступая перед делегатами V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, И мы видим, как каждый год приносит нам новые доказательства.

«Время, вперёд!» — провозглашает ты, наш молодой друг, под знаменем законов истории. Сталин, выступая перед делегатами V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, И мы видим, как каждый год приносит нам новые доказательства. «Время, вперёд!» — провозглашает ты, наш молодой друг, под знаменем законов истории. Сталин, выступая перед делегатами V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, И мы видим, как каждый год приносит нам новые доказательства. «Время, вперёд!» — провозглашает ты, наш молодой друг, под знаменем законов истории. Сталин, выступая перед делегатами V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, И мы видим, как каждый год приносит нам новые доказательства.





Без аплодисментов и оваций,
 Раньше декабря и ноября
 Он пришёл, решил не дожидаться
 Окончания календаря.
 Поглядел поверх очков сурово
 Пожилой, ещё не старый Год:
 «Сменщица, по всему видно,
 Сразу видно, далеко пойдёт!
 К старшему относится с почтением,
 С полуслова понимает суть,
 До гудка явился на работу,
 Мастер — любо-дорого взглянуть!
 Пригляделся он к моей работе,
 Побеседовал со стариком,
 Что-то записал в своём блокноте,
 Тоже хочет быть скоростником.
 По-хозяйски стройку оглядел он:
 «Всё в порядке! Стройка хороша!» —
 И не медля принялся за дело,
 Каждую секунду дорожка.
 У него на пружке буквы «Р» и «У»,
 На груди флажок эмали алой,
 Работяга этот славный малый!
 Мне такая смена по нутру!»
 Поработал Старый Год на славу,
 Слава эта будет жить века.
 И сегодня Новый Год по праву
 Предлагает тост:

— За Старика!
 Чтобы проводить его приватней,
 Я бокалы полные налью,
 Только я несовершеннолетний
 И пока, товарищи, не пью!

Владимир ГУРЬЯН

Прощайтесь всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
 Центрального Комитета ВЛКСМ. Январь. № 1. 1953 год.

Год
 издания
 30-й

Будущее — наше

Во все стороны спешат планы Съезда ярче прежнего над былинной Героическая ты всё сказочной Человеческое счастье для трудящихся людей И учиться когда изгнаны То, на заре уже стоит в леса!	известия: узнаёт земля, горит красотой Кремля. наша Родина, из часа в час! создано у нас. и работать весело, нужда и страх! казалось вечером, в лес!	Наступательное наше будущее, твоя черта! на земле распутьях, исполнишь ты! пустыни в житницы, Крайний Север — Хорошо, когда шумит и сыплется в элеваторы страны Земельная жизнь советская! В жарких заревах ночная даль... Хорошо, когда струёю весело в крас несётся скоростная сталь! Пробиваясь молодой мы сдвигали в стороны холмы, воздух Дома у слинья с Волгою	с гордой радостью вдохнули мы. Сколько грузов на платформе авзалено, сколько взято на пути Созидательная воля Сталина строит мир и обновляет жизнь. Эту жизнь не запугают тысяч бомб и тучами бацил! Мы сильны непобедимым мужеством и могуществом народных сил. Прочь, грозящее войною чудище! Армий мира на земле не счастье! Всё в порядке будет в мире будущем, раз на свете коммунисты есть!
--	---	--	--

ДОВЕРИЕ

Григорий БАКЛАНОВ

Комсомол Вера Кирилкина стала замечать, что комсомолец Смирнов избегает встреч с дев. Увидев его в цехе, Вера спросила, словно ничего не зная:

— Как, Сеня, у тебя в школе дела?

— Да ничего, знаешь, — бодро начал Сеня и, осторожно покосившись на Веру, покраснел. — Вера, ну, я тебе слово даю: больше пропускать не буду!

К концу четверти Вера попросила его принести справку успеваемости во всей группе. Сеня долго пытался, выписывая отметки комсомольцев. Он принёс справку и сразу же впрягнул за дверь против его фамилии не было ни одной оценки, он остался не аттестованным за первую четверть. И вот, нахомячившись, хмурый, Сеня Смирнов стоит перед комсомольским собранием. Он маленького роста и в своей новой, ещё не обжитой телогрейке выглядит совсем круглым.

— Что же ты молчишь? — спрашивает член комсомольского бюро Дуалин, оглядывая Сеню всевыми глазами. — Отвечай. Смирнов мнёт шапку, угрюмо бурчит:

— Что мне молчать...

— Вот и скажи: в следующую четверть опять один чужие отметки принесёшь?

— Что мне чулки носить, у меня свои будут.

— Семён, — напоминает Вера, — ты слово давал?

— Что, а самом деле, взялись? — сказала вдруг Смирнов. — Я план выполняю, а учиться iam не учился — это дело моё!

Сразу становится тихо. И в этой тишине Сеня быстро теряет всю свою решительность. Он теперь стоит, низко нагнув голову.

— Какой разумыль! — глядя на него, качает головой Михаил Кононов и быстро говорит Дуалину: — Дай-ка мне слово.

Они оба с Сеней селами, только Кононов постарше, плотнее, крепче. У него в лице, в твёрдом взгляде светлых глаз спокойная уверенность человека, знающего своё дело. Только что Кононову, победителю в социалистическом соревновании в честь тридцатипяти годовщины Октябрьской революции, вручали почетную грамоту Свердловского обкома комсомола.

— Мне двадцать шесть лет, — говорит Кононов, — а учусь в восьмом классе. Это потому, что тоже был такой «разумыль»,

как ты. И ты что же, Смирнов, думаешь, директивы Девятнадцатого съезда партии только для нас, а тебя они не касаются? Или ты не комсомолец?

— Почему это меня не касаются? — поднимает голову Смирнов.

— Это тебя надо спросить, почему. В директивах съезда сказано: перейти к концу пятилетки от семилетнего ко всеобщему среднему образованию. А у него, видишь, шесть классов, а дальше его любёдило тинуть приходится! Ты, Смирнов, думаешь, пятилетку вспомнить?

Вера Кирилкина молча наблюдает за Сеней. Шея и уши его совершенно огнемне.

В свои двадцать лет Сеня Смирнов хорошо зарабатывает. Жизнь представляется Сеню простой и ясной, он знает в ней своё прочное место рабочего человека, он не хуже других выполняет план. И непонятно ему, зачем это ещё нужно после нескольких лет он со своим знанием уже не сможет хорошо работать. Сеня просто не поверит этому.

— Ты всё же почему в школу не ходил? — спрашивает инженер Кулинич.

Он сидит против Сеню в синей спецовке, из-под которой виден воротник коричневого свитера. Кулинич — лучший мастер цеха, а по годам он немолоды старше Смирнова. После собрания, когда Сеня по всеобщему морозу пообещал домой, Кулинич обязательно ещё вернётся в цех посмотреть, как работает другая смена, идальзя ли чему поучиться. Сеню неслыхно смотреть ему в глаза, и он говорит сердито:

— Времени не было.

— Ну, времени нет у того, кому оно не нужно, — спокойно замечает Кулинич. — Захочешь учиться — так время найдётся.

— Семён, — говорит Вера, — Куржиков — техникон, работает по больше тебя и ещё помогает по домашнему тактике твоим вот знятым людям, как ты; Дуалин — мастер и учится в институте...

Вера могла бы сказать о том, что сама она три года работает крановщицей, училась в вечерней школе, кончила её и теперь учится в политтехическом институте. Но она говорит:

— Знаешь, Смирнов, даже стыдно сейчас за тебя...

После собрания комсорг Вера Кирилкина идёт по заводскому двору. Вечер. В конусах света под фонарями кружится снег, дверь проходной повизгивает, не закрываясь. От цеха к цеху пылят и оралила воздух свистками, паровичок толкает платформу: части машин, лежащие на ней, чуть ли не больше самого паровичка. Заводской двор похож на город со своими улицами, вдоль которых в строгом порядке стоят цеха, переулками между цехами и площадью у входа в завод, посреди которой памятник в честь незабываемых дней Отечественной войны: в те дни немало потрудились завод. И, как в каждом трудовом городе, здесь многолюдно только в определённые часы: в часы смен. Тогда по заводскому двору один идёт в цех, другой возвращается с работы с сознанием хорошо выполненного долга.

Неожиданно снег под ногами Веры начинает наливаться красным светом, и теперь не только у фонарей — всюду виден в воздухе падающий на землю красный снег. Это выускают плавку. И когда зарево над цехами гаснет, сразу темней, ниже становится змисне небо, и только слышно, как ровно и мощно дмшит завод, Уральский завод тяжёлого машиностроения!

Каждый раз, выходя на работу, Вера видит выставленные у проходной плакаты. Она хорошо их знает. На одном — высоко поднята стрела шагающий экскаватор. Как-то в газете Вера прочла коротенькую заметку о том, что на строительство Куйбышевской ГЭС прибыл шагающий экскаватор марки «УЗТМ». Указывалось, что при испытаниях он «прошагал» такое-то расстояние, засыпал по пути ров шириной в двести метров и снёс полдюжины пригорок высотой в восемьдесят метров. И Вера подумала, что теперь, прочтя это короткое газетное сообщение, люди даже не удивятся: в жизни можно увидеть такое, чего не встретишь в самых смелых сказках...

На другом плакате изображён колёсопроткатный стан. Такой стан за одну минуту прокатывает одно вагонное колесо, в год — более пятисот тысяч. Сколько железнодорожных составов за свою жизнь поставит на колёса такой стан! Он изготовлен на Ураламше. И конусные дробилки, измельчающие за год до пяти миллионов тонн руды, и трубопроткатные агрегаты, дающие стране бесшовные трубы, и трёхфазовые электрические экскаваторы, и тяжёлые нефтяные установки, подобно асу, высшиеся между Волгой и Уралом и на нефтеносных землях Баку, — всё это тоже изготавливается на Ураламше, носит марку «УЗТМ». Многие заводы страны могли бы носить эту марку в знак того, что они почти целиком изготовлены на «заводе заводов» — Ураламше.

Здесь создают гигантские станы, отламывают сложнейшие детали. Но, пожалуй, сложнее, чем создать любую из них, — это воспитать человека, отлить его характер. И немало таких, как Сеня, на первых порах ничего не желавших видеть дальше своего носа пареньков приходит на Ураламши. Они рано чувствуют себя самостоятельными, неплохо зарабатывают и нередко начинают думать, что уже всего достигли в жизни. И вот на заводе постепенно формируют их



Здесь собирают экскаваторы марки «УЗТМ».

Фото М. Озерского

характеры, выявляют способности. Сколько потом из этих безвестных парнишек выходит инженеров, известных всей стране новаторов производства, лауреатов Сталинских премий!

Где бы ни возникали ниши стройки: на Волге, в горных песках Средней Азии или в Заполярье, край северных скляний и непоузданных гонных птльи, — на каждой из них раскрываются способности людей, нередко человек впервые узнаёт себя. Новые стройки рождают новых героев! И каждый завод славит не только машинами, которые он выпускает, но в первую очередь людьми, которые воспитывались на нём.

...Вера Кирилкина пришла на завод, когда ей едва исполнилось семнадцать лет. У неё рано умерла мать, потом у отца появились другая семья, и Вера, не окончив школу, уехала к брату кум, но опоздала к началу занятий и пошла на Ураламши учеником крановщика. И вот тут-то комсорг цеха Валя Чурикова предложила ей учиться в школе рабочей молодёжи. Валя Чурикова обладала удивительным чутьём, была вынослива к людям. В ней жила уверенность, что все люди по-своему способны, надо только уметь это заметить. И часто она открывала в человеке такое, чего он ещё сам в себе не видел, и не ошибалась. Глядя на семнадцатилетнюю ученицу крановщика, приехавшую из Свердловск с такой скромной степенцией Буаленко и ещё робешую на заводе, трудно было тогда сказать, что из неё со временем выйдет вожак молодёжи. И уж, конечно, меньше всего предполагала в себе такие способности Вера. Она просто охотно принималась за общественную работу, ей нравилось живое дело. И Валя Чурикова это отметала. Она стала брать Веру, когда шла побеседовать с кем-либо из комсомольцев. Люди все разные. Одного лучше похвалить, чтоб человек поверил в себя, и тогда он горы свернёт, но доверие оправдает; за другим, наоборот, нужен глаз да глаз; третий и ви-



За день Вера Кирилкина побывает везде. На переднем плане (слева направо): газоразведчица Анна Барангулева, технолог Александр Курдюков и Вера Кирилкина.

Фото Ф. Рыбакова

НОВЫЙ ГОД

Все люди и все дороги
На змею ведут в Москву.
Новый год уж на пороге,
Счастье сбывает наву;
Да, ведут в столицу нашу
На змею дороги все;
Выбьют меж лесов и шапен
Глады асфальтовых шоссе.

В шуге ветра мчит упорно
Поезд по седой земле,
По широкой и просторной
Нашей русской колене.
Поезд мчится, славою пища,
Но смолкает шатуны:
То Москва — земля столица,
Сердце радостной страны.

И. КОБЗЕВ

ХОЗЯИН МАШИНЫ

Подымая пыль, по дороге катит массивный, похонен на пародок с высоким бортулом, двадцатипяти-тонный «МАЗ-525».

Встретные люди, уже привыкшие к шуму и пыли чуждого самохода, свистящего здесь, на левобережье Волги, телкини, оглаживаются и, невольно пробираются: «Во что даль — дождь с восхищением смотрят вслед».

На лице молодого шофера нелегко прочитать выражение искренней и вполне заиспанной гор-

ловно на зрание, мелькают ажурные стрелы экскаваторов, проносятся сторбишники той тинистой грузом самосалы, земляными лопатами пропалывают скреперы.

Пыль валивает Оскард балной, где идет прокладка магистрального канала Волга — Арда, справа виднеется берег Волги. Весь он завален обривами. Над водой дымят

Машина мчит по гладкой, короче «отсутствующей» дороге.

На горизонте светлыми видениями, возникающими среди бурой, пыльной степи, над бером, куда бы возмущается ноябрь, не отмеченный ни на одной карте города

строительный Сталинградский ГЭС. Выросшему точно из-под земли городу ещё не успели подыскать достойного имени.

Пробовали называть его Электрострадлом, Питинорском, Гидростростростком. Оранко жителя его ещё не решили, какому из имен отдать предпочтение.

Пока что установилось временное название — «Кашенный городок». Это — единственное «арханское» неприютное в добротном городе, где нет ни палатон, ни баранов, где чёткие краткие и кратчайших домов сложенны из прочного кирпича, где уже сейчас строится кино-театр, Фанань».

Юрий Пронин, зорно глядясь внаблюдательный строительный пейзаж, говорит:

«Представьте, недавно здесь было голая степь. Сталинградский мальчишки охотились тут на сусликов, хорьков, лисичек».

Нет ничего удивительного в том, что двадцатипятилетний шофер, походя ставшему старому знакомым мест, уже теперь может поделиться воспоминаниями о том, как он и его товарищи создавали город. Уж такая у нас стремительная — «индустриальная» жизнь!

«Это было больше года тому назад».

Юрий Пронин, какое охватило его волнение, когда перед глазами вагона медленно проплыли и остались на берегу чёткими бумажками «СТАЛИНГРАД». Первые вышли он и Перрон, оторвавшись от руля, подаёт командный знак».

Потом пассажиры сразу же слышат с другой стороны управления Сталинградского Юрия Пронина прямо в волнении явился в отряд ладорной — стройной».

По дороге он слышал обривы Фанань».

«Новый театр с колоннами видны? Тут наш полк делал оборону».

новат, а слова из него не вытнешь, станешь его стыдить, он только заурчит, и тогда уж вовсе ничего не добьёшься. И надо к каждому уметь подойти.

Вале Чуриков умеет это делать. Стоило ей в перерыв попить в цехе, как сейчас же молодёжь обступит её. Ей не приходится расширять робит, они сами всё о себе рассказывают. Вера и удивлялась и гордилась Валею. И одновременно, ещё не сознавая того, старалась поставить себя на её место, примеривалась, как бы она сама поступила в том или ином случае.

Много позже поняла Вера и то, что Чурикова брала её с собой не случайно. А вскоре в цехе все стали замечать инициативную краповицу, и общее комсомольское собрание избрало её членом бюро.

Два года вместе с Чуриковой работала Вера, и когда Вале издала секретарём райкома комсомала в Арти, на Уралмаше в одном из цехов избрали нового комсорга — Веру Кирилкину.

«Сегодня Вера недолова собой. Она мысленно ещё раз перебирает всё, что было на комсомольском собрании. После Саян Смирнова обсуждалась восемнадцатилетняя рассмьлая Ажда Шахурина».

Они стояла перед комсомольцами, испуганная, потерявшаяся. У неё в первой четверти пять двоек. И сколько инженер Курзюков ни спрашивал, почему так случилось, может, ей трудно даётся учёба, нужно в чём-либо ей помочь, — молчала! А ведь правды не хватало, и так жалко и так страшно, очень стыдно было держать ответ перед своим обриванием.

Ты комсорг. Ты не начальник, ты товарищ. Старший товарищ, если давай другой раз молаже всех по годам. К тебе, старшему товарищу, пришла Ажда, и ты не сумела её познать. Нескорго теперь Ажда будет говорить с тобой по душам».

Вера знала, как жалко и как радостно заслужить доверие. В первый раз она почувствовала это, когда комсомолка Чернышёва стала ждать её после работы у проходной. Возвращаться домой им было по пути, но, конечно же, не из-за этого именно ей, а из другим товарищам рассказывая, он о девушке, на которой хотел жениться. Вскоре он женился на этой девушке. И ядрот бросил её, свою жену. Теперь не он, а жена поджидала Веру у проходной. Они подогоу ходили, выбирая немногочисленные улицы. Вера умеет слушать».

Было в молодой семье много добл, моляки, ненужных, их мога и не быть, если бы оба знали друг друга лучше, умели друг друга понимать».

«Теперь, конечно, нельзя уже жить вместе», — говорила молодая женщина и, не веря ещё этому и не представляя, как быть, снова и снова советовалась с Верой. А Чернышёва деловито старательно не зворовалась с комсоргом. И всё же Вере удалось вернуть их, и так жалко и так хорошо».

А сегодня в несложном деле Вера не сумела разобраться, не прислушалась к просьбе Ажды Шахуринной и оттого недолова собой».

С этим чувством Вера на другой день пришла в цех. И сразу же вновь неуверенно Неходов отказался перевести в первую смену комсомольцев, о которых Вера просила его».

«На два часа на занятия отпусти, — сказал он, — а в первую смену перевести не могу».

Но в соседнем пролёте стоит уже готовый конвейер шагового экскаватора, здесь в цехе собирают автомобильные и типовые абетки, и комсомольцы не захотели оставить работу. И вот пропущен день занятий».

Нефедов сказал Вере: «Я мастер, моё дело — план выполнять, и точка».

«А учёба — это не план! Если рабочие не будут учиться, не сумеют жить в дальнейшем и план выполнять. Вы о будущем думаете».

Но Неходов спокойно ответил: «Будущее будущим, а на сегодня у меня есть задание. С меня его спросит».

И им пошел в карман куртки за вопросами. Вера понимает, сидит ему эти самые Вале Чурикова, он бы не стал спорить. И Вера чувствует и в словах его и в отношении одно: «Ты для меня пока ещё не авторитет». В прошлый раз ей пришлось делиться в партийное бюро. Но нельзя же, что за тебя во всех случаях говоришь с людьми парторг. И до тех пор можно оставаться всё ещё моладой комсоргом! И, тем не менее, она опять идёт в парторго, и не застав парторга, идёт к начальнику цеха».

У начальника цеха тоже план, с него в первую голову спроект, но он тут же даёт распоряжение, чтобы по списку комсорга Кирилкиной подменяли рабочих чех его подлинсы. Что же, Неходов вынужден распоряжаться начальником цеха на первый случай Вера и этим довольна. А вскоре её вызывают к телефону. Заведущий учебной частью школы рабочих молодёжки просит помочь и называет неуспевающих учеников».

«Возьмитесь за них, у вас хорошо получается».

И говорит, что те, на кого он пропалый раз жаловался Вере, стали учиться сдельно».

А в перерыв Вери ловит бригадир краповишников: «Слушай, иду тебе, у всех спрашиваю... Личо у него злое, и говорит он ещё тем возмущённым голосом, какизм только что ругался с краповишниками... Займись ты их воспитанием. Ничего ведь не слушаешь».

И ей говорит, что так же, как сказала бы Вале Чуриковой. Он, видимо, даже не сомневался, а она сумеет воспитать краповишников, которые его «не слушают».

Это из бригадиров первый, кто обратился к Вере. Но ведь доверие никогда не приходит сразу. Его нужно завоевывать».



В. И. КОБЗЕВ

дости. Ещё бы! Не каждому доверят такую машину!».

Сам водитель подстает своему богатырскому коню. Рулевое колесо в его руках и вполне напоми- нает хрупкую «баранку». С этой солидной внешностью шофера какому-то немому страню сочетается его зазорный, почти озорной, юношеский взгляд. Значит, и него светит надежда, прозрачная, точно ещё в детстве кто-то из приятелей, иступясь, брызнул ему в глаза голубоватой волжской водой. Лишь коричневое, загорелое. На отвороте подыкала светится выключенный фонарик комсомольского значка».

Бригадир шоферов Юрий Пронин веет на строительную площадку Сталинградгидростро шеёвню. Перед ним в раме ветрового стекла,



Юрий Пронин.

Город юности и света,
Город мира и побед.
Ваши университеты,
Первенца грудных лет...
Малый город, добрый город,
Снежных холмов белый ворон,
В белой шубе меховой
Стертый дом на Мокшовой.

Здесь учились, здесь валяблалась,
Счастлив в сердце вы тая,
И отсюда разлетались,
Мы весной во все края —
В карамусные пески
И туда, где высокие,
Так, что с них видать полемара,
Горы горюго Памярка...

Мы видели всю страну,
Дальних рек голубизну,
Сивей летит Воаго-Дона
В междуурелье славный путь,
И платоны из бетона
В юнцыне врезанную гряды,
И летящий скворц пространства
В провозеке из серебра
Яркий свет электростанций,
Солнце Воалги и Днепра!

...Ход часов неутомомных,
Года нового прихода,
Поступь стрелок золоченых,
Полночь бьет, двенадцать бьет.

Шер земной Москве выплывает,
Салпыт Сталина словаи;
Стрелки мизра подраставают
По часам твоим, Москва!



Рисунки Г. Филипповского

на общем собрании всем полнелити- шовфору.

— А что вы понимаете? Изуродуете машину, а я потом отвашаю— тыщиной той технурой. Иванов не только гордится и шувает на работу там, а и «хорошему» угворить бригаду. Какой тебе, Пронин, интерес возить Большую? Ведь оплачивают тебе не за тонну, а за километр.

— Не в этом дело! — с досадой возразил тот. Както раз, когда начальник автобазы ушел в отпуск, Иванов у ворот и выткнул руно: — Ни одной бригады на вышущу! Отрывайте доски от бортов!

Ирочно было в тот вечер на душоу у молотого бригадана, да шув видок возразился он к себе в общенный: — Друг с недоуменгем остановился передо мной. В комнате гравел дружный смех. Рассказуе анекдот, Юрий ушел такую картинку. Юри из молодых шовфоров, дерна в руках листа многогрядной «стройки нововиски», раскрасившись от смеха, чит товарищам фельетон.

Каждая фраза фельетона сопровождалась репликами:

— Ну и заросло прогрессом! — Молоды гзачетник!

— Тут куда мне надо обратиться, в газету? рещит я тут затиснуть Юри.

Редактор П. Н. Бузин поверх очков внимательно взглянул в глаза собеседнику. Ему уже пришлось слышать фамилию Юрия, и — Почему у нас на стройне автобазы не вытиснул «уэтин местом?» хмуро спросил Пронин. — Машины прибывает всё больше и больше, а вытиснуть перевозить оборудование, землю, строительялы.

Юри возмущся, рассказывая о том, как боролся он за дисциплину сломанных бригады, как перестроил автобазу, как спорил с конструктором Ивановым. Когда он говорил, его шув в глаза востановка в такт словам. Назалось, он слово.

— Понимаете, товарищ редактор, в себя всё одуртал: если из сумашелости вытиснул бы машину с шестью сидеть вместе все машины с грузом, то еще бы ставил около двух тонн. Вот этот запас протиснуть им и рещили пустить в дело. Посмотрите, тут затисну писано.

Юри достиг из мармана небольшую залпину иначуе.

А что это у вас такую? — заинтересовался бригадник гидростроителю? Замечательной... — в общенный, на собрании все автобаз обсуждали на шув востановку бригады отрывания из диванаги бригады Юрия Пронина. В редакцию посылались письма. Все поддарили Пронина, вздрзали Иванову.

Чуть ли не в каждом номере на первой полосе сряду других материалов стави печататься отлички: — Которые идиотичны! «Не возить на машинах... воздуги, что привезу бригады Юрия Пронина», — влезла поместила диванги шарни: «Юри Пронин взял быка за рога. На рисунке молодой шовфур ухватил за рога мяельного зубра на радиаторе минского автошовфора».

На прониских машинах опять появились дополнительные борты. А через некоторое время состоялась встреча бесполногий водители с конструктором минского автозавода. Пронин сообщил о том, что бригада добилась снижения себестоимости тягача до уровня 35 процентов. Состояние машин шовфоров — у бригады и у других пронишек — все новее, появились завидчики появляются на дверцах кабин. Это значит, что не только сколько тысяч — тысячи миллионов машин прошли без ремонта. Представители заводской комиссии интересом расспрашивали Пронина об всех деталях, касающихся конструкции автошовфора. Юри не знал еще, что на автозаводе иначуе работала на создание новых шовфорных машин, соответствующих масштабам великих строек.

— Сторо мы дали вам машину по душе, — сказали конструкторы. Это действительно случилось споро.

Когда Юри Пронин видит своеобразную технику, встречающиеся машины почитательно уступают ему дорогу.

г. Сталинград

— А вот задание универмага Там в повале захватили фон Пауоса.

— Погдете посмотри дом сержуца Павлова...

Люди шли по улицам, как по залам вулкан. Многие из них были участниками обороны города. Неотраженным магнитом опять притягивало сюда со всей страны бывших солдат.

Как знамено было то чувство юности, сталинградцу Юрию Пронину. Здесь долгие годы работал его отец, погибший на фронте. Здесь, в городе победителю, начинал теперь и он свой трудовой путь.

Юри думал о том, что работать в этом славном городе, на великой стройке, надо както особенно хорошо и увале.

И вот начались трудовые будни. Юри вместе с напарником Тимошечкой Павловым перевозил на своей новой машине известь, гипс, землю. Вреня было горячее. Все здесь обшачилось словами: «организационный период!»

Молодой шовфур работал в любую погоду, но шаври ни смир, ни вранюги. Потому ему особенно было обидно, когда на «платформы» и на собраниях все, словно говорившая, ругали автотранспорт.

Автотранспорт не обеспечивает нас металлом, — жаловались

монтажники высоковольтной линии электротрансформации.

— Когда мне будет рещена «щепочная проблема?» — восклицали строители.

Люди, словно зачарованные, смотрели, как быстро и ритично выносятся стрелы заводской машины в руках отличных экскаваторщиков Ивана Елисеева и Виктора Борнова. А те, набрав скорость, ядугу с досадой замечали, что самосвалы запаздывают. Ковши беспомощно повисали в воздухе.

— Что ж нам, загорать на песней — возмущались инжениротранспортной конторы. — Сами видите, какой гигантский размах принимает строительство.

Бригадир Пронин настойчиво добивался, чтобы все шовфору его бригады знакомили время, чтобы полностью загружали кузовы.

Посетовавшись с начальником автобазы, Юри предложил из своей пятитонной машины «МАЗ-205» дополнительные деревянные борта и стал перевозить вместо пяти по семи тонн груза. Беспомощно одно: выдвигат ли рессоры? Юри напряженно искал, чем усилить подвеску. Вечерами он набрасывал на листках бумаги различные схемы и чертеньки. Однажды был он в гостях у своего друга, паровозного машиниста. В разговоре родилась мысль: «А не пододуть ли для автошовфору рессору паровоза? Измерил длину и ширину. Оказалось, пододуть Комсомольцы дело помогли разработать такие рессоры.

Другия шовфору бригады прониская затея понравилась. Все они переоборудовали свои машины. Теперь каждый брал груз в полтора раза больше. Показатели выработки изо дня в день стали подниматься вверх: 120, 150, 180 процентов...

И только технурку автобаз Пронин неоднократно смотрел на прониском новострое.

— У машин есть установленная грузоподъемность, которую превышать никто не имеет права. Поддуться, иустарь-изобретатель наш! — кричала он на Пронина.

Обидно было слушать эти нападкисказать в ответ что-нибудь резкое. Но каждый раз на помощь ему приходила армейская выдержка. Он спокойно и деловито возразил:

— Вы же знаете, товарищ Иванов, что наше начинание одобрено



Сталинградгидрострой. Здесь соорудится самотечный канал Волга — Ахтуба.

Фото А. Монкецова



Рисунки И. Калиты

Юрий НАГИБИН

В СИНЕГОРЬЕ

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС ЖУРНАЛА «СМЕНА»

Овчарня синегорского переселенческого колхоза лежит на взгорке, в полукилометре от шоссе. Когда глядишь на неё снизу, кажется, подобно ласточкину гнезду, прилепшая она к отвесной стене. Позади овчарни громадятся большие серые камни, словно останки разрушенной лестницы, идущей к иеринским хребтам.

Сегодня у синегорских овцеводов большой день: купают овец. Отару уже пригнали с горного пастбища. Огромной грудой спутанного войлока гомозятся овцы в загоне. Рядом, за перегородкой, сорочья пестрядь немаленьких сутинок и вожакот отары — коз. Небольшая пастушеская избушка позла на народку. На источенных муравьями лавках, колченогих табуретах, а то и просто на земляном полу расположились чабаны, скотники, подпаски. Выделяются смуглой лиц два бойца-азербайджанца в выгоревших майках-безрукавках. Они пришли помочь колхозным овцеводам.

Главный чабан о чём-то спорит с маленьким бойцом, часто и жадно затгивая коротким чинарником, обжигавшим ему пальцы. У него мелкое от загара лицо, бурая, вся в трещинах морщина шея, а в прохру порванной рубашки светит белая кожа.

— Ты, мил-человек, нашу овцу не трожь, — говорит он, живо поблескивая зелёными с ржавками крапинками глазами. — Она по всем статьям за себя постоит.

— Бескурдючная ваша овца, — отрывистым, гортанным голосом возражает боец. Он каждую фразу произносит после короткого молчания, во время которого двигает твёрдыми челюстями, будто сплевает слова во рту. — Наша овца курдюк нест, пуд весу курдюк, иди не может, на зад садится... Бывает, овца курдюк на тележке вонит.

— Так это какую породу разводите?... У нас овца тушинская, мясисто-молочная. — Главный чабан слегка облизнул, но отскачет бойцу с испорченной кровью, угадывая в нём тую же овцеболу, как и он сам. — Но мы и насчёт курдючных не зарекаемся. А может быть, свою собственную построим — синегорского типа.

— Обещалась синича море поджечь, — сказал пожилой человек с короткой, толстой шеей и невыразительным лицом, зоотехник колхоза. Несмотря на жару, на нём бременный плащ с капюшоном, резиновые сапоги. — Лучше бы гумали, как бы сегодня в калашоу не сесть.

— Узкий ты человек. Семён Давилыч, эх, узкий! — главный вздохнул, выплюнул окурок, придвинул его калашоу. — Дальние нося глянуть бошесь... Поэтому и наука твоа узкая выходит, ни жару с неё, ни свету.

— Ладно, поксая... Лучшие скажи, широкий человек: почему ты в таком потрёпанном виде? Вам для чего спсочки выданы? Придет представтель райкома, стыдно будет...

Он не успел договорить, как в сенцах скрипнула дверь и, нагнувшись под низкую притолоку, в избушку вошёл молодой человек в военном костюме без погои и в соломенной шляпе. Вошёл как-то неуклюже, остушившись на пороге. Он усмехнулся своей неловкости и, добродушно прищурив карие близорукие глаза, поддоровался, потом назвал себя:

— Карташов, инструктор райкома.

Быть может, досаду, что пророчество зоотехника так быстро сбылось, главный чабан сказал не без злоости:

— Выдели, ребята, не забывает нас райком. В самое нужное время прислал инструктора по овцеводству.

Послышалось хрипкое ворчанье: второй чабан оценил остроумие главного. Но вновь прибывший или не понял или не принял шутки.

— Ошибаетесь, уважаемый, такой долготы нет в райкоме, — ответил он спокойно. — Я из отдела агитации и пропаганды. Затевали вы большое дело, надо, чтоб и другие колхозы подхватили ваш опыт; районная газета хочет дать материал.

— Василья, уступи-ка место гостю, — сказал зоотехник подпаску. Тот глянул на главного и медленно поднялся.

— Вот спасибо! — Карташов с удовольствием опустился на освободившееся место. — Я к вам на попутной добрался, машина брусчаткой гружена, ни встать, ни сесть.

— Василья! — громко сказал главный чабан, как бы подчёркивая своим тоном, что он один имеет право отдавать здесь приказания. — Иди глянь, всё ли готово... — Но едва парень выбежал из домика, чабан поднялся с лавки и пошёл к двери...

Тихо стало в комнате. Лишь из сенцев доносится приглушённый, многократно разгорев. Здесь, под большим плакатом, изображающим болезней овец и способы борьбы с ними, стоят двое: восемнадцатилетняя скотница Поля и второй боец. В отличие от своего товарища, приземистого, коренастого, этот строен, шедро развёрнут в плечах; в изгибе тонко очерченных губ — сила и нежность.

Поля — настоящая северячка, даже крымское солнце бесцельно перед её светлыми, пророчными красками. Солнце, как говорится, семь шакур в неё содрало, но на носу, лбу, плечах и шее вновь проступает белая, едва тронутая розовым кожа.

— Ну как же, Поляна Ивановна, решил?... тихо спрашивает боец. — Не могу я, Аликпер, не могу, — так же тихо, но с тоской отвечает Поля. — Как взгляну на вас, так и не могу...

Желтоватые белки Аликпера становятся огромными. Он делает над собой усилие и сдерживает волнение. Голос его звучит глухо:

— Такой я странный, да? Не блондин Алиекер, да-а? Волос чёрный, глаза чёрный, лицо чёрный... Зато душа светлая, Полина Ивановна, душу вы не видите...

И к чему это вы?... — жалобно говорит девушка. — Вы красивый, только боюсь я вас, невероятный вы человек, Алиекер.

Алиекер чувствует, что взгляд Поля перебегает с его груди на плечи и руки, и смуглому его шёк пробивает тяжёлый, сливочного оттенка румянец. Всё тело Алиекера покрыто татуировкой. Посреди широкой груди аялвотано и броско изображён какой-то символ: на земном шаре стоит женщина, держащая в подмышках руках змею, на которой вылезает лезвие. «В мире нет счастья и несправедливости. На мускулистых буграх лежат нарисованные обвитые канатами змеи. Руки до самых кончиков пальцев морскими вензелами и странными женскими именами: Сэда, Сильва, Розмарина, отдельно от других на тыльной стороне правой кисти разбито, но всё же отчётливо.— Зулфия».

Густая ода, дельская густота, — с натугой говорит Алиекер. — Когда шестидесять лет было, о море мечтаю, о корабле мечтал. Ахмет, старый боцман, мне сказал: моряк без синюхи — не моряк, моряк синюхи, такого во флот не возьмут. Молодой я был, дурак был, поверил... Мне давало стыдно.

А мне не стыдно после всех Розмариночек вашей женой стать? И не советую вам, Алиекер, так девушек обманывать? Наверное, вы им тоже раньше слова говорили?

— Не говорил я им никаких слов, Поленочка. Берите вы мне. Не было никакой Розмарин, и Сильвы не было. Все боцман Ахмет выдумал.

— И Зулфия не было? — ревниво, но с проблемным надрезом спросила девушка.

Алиекер потупился. Затем поднял голову и, радостно сверкнув зубами, сказал:

— Хочешь, Поленочка, я ножом из живого тела вырежу? Он сказал это весело, словно радуясь тому, что наконец-то нашёлсь выход. И девушка почувствовала, что он и впрямь способен это сделать.

— И же стариком своим написал, чтобы ждали с молодой женой... А разве мы отсюда уездем? — с наивным испугом воскликнула Поля, выдвигая себя с головы.

— Только свадьбу сыграем там и вернёмся. Я знаю, как вы Крым любите... — Странно, но Алиекер и не заметил, что девушка уже ответила ему согласованно.

— Я к вам со всей душой, Алиекер, право, со всей душой... Но как глупо на этот ваш список, как подумаю, что до меня у вас другие были...

Какая-то внутренняя борьба происходит в Алиекере, он словно говорит сам-то признаться Поле и не решается. Наконец, отчаянно махнув рукой, он изливается с мальчишеским рвением у девушки и, шевельв дыханием белые волосы на её щеках, жарко шепчет:

— Хочешь верь, хочешь не верь,— пойдёт за меня, первая будет,— и опрёмно бросается из сенцев.

Поля некоторое время раздумывает над словами Алиекера, ноющая улыбка бродит по её губам, затем, что-то придумав, она выбегает на улицу.

Главный чабан неторопливо обходит ванну — длинный бетонированный жёлоб, наполненный раствором крошила цвета топлёного молока. Перед ванной расположен обширный и круглый загон с воротами. «Предбанник» — называют его чабаны. Он соединён с ванной узким коридорчиком, который в конце делает поворот на девяносто градусов. Поворот устроен для того, чтобы овцам, плеще смерти бокался ванны, не знали, что ждёт их в конце пути. Лесенка в три ступени ведёт из ванны на сушилку — деревянную пошалку, обнесённую заборчиком.

Неподвижно исходит паром стоведёрный бак на вмазанной в землю печи. Возвруг него в воздухе приметно слабое мерцание, словно вспыхивают и гаснут острые белые звёздочки.

Главный чабан шуршит, шатает пелити, из которых сложены стенки коридорчика, приваливается к ним спиной — ничего, вроде крепко, — затем скидывает разношёрстный чобот, погружает ногу в раствор и закуривается от удальствия.

— Подходила водичка, — бормочет он. — Не грех бы самому окурнуться. — И тут он видит Полю.

— Тимофей Ильич,— в голос Поля слышна решимость,— есть такое место, где бы татуировку сводили?

Мысли чабана заняты другим, но он не медлит с ответом:

— Есть такое место, целый институт, в Москве находится.

— А дорого это стоит?

— Даё бог памяти... У нас Федя Родионов очинился, он скажывал, не то десять, не то двенадцать рублей за квадратный сантиметр.

— Господи! — всплеснула руками Поля, представив себе богатырский разворот груди и плеч Алиекера. — Чистое разорение!

— Да, встанит в копелечку,— отвечает чабан и, обнаружив полнейшее понимание вопроса, добавляет: — Ягоря, в крайности, можно оставить, эмблемы тоже, ну, а расчёт женского персонала ничего не попишет, придётся раскошелиться. Ну, да ты на одиак, ягтяток больше заработаешь. Главное, Полюшка, чтобы у нас сейчас осенка не вышло. За молодяки я опасуюсь: улиси бог, по-топчут его в суталоце.

— Уследи, Тимофей Ильич! Честное слово, уследи!

— Разве что... чабан пожевал губами, огляделся и, словно поспериву уверенность в горах, деревьях, виноградиках, во всём этом, недавно вошедшем в его жизнь, но уже привычном и милым простоте его, сказал:

— Пусть Васьяка кличет народ. Пора начинать...

С уходом главного чабана разговор в комнате уже не возобновлялся. Пастухи сосредоточенно сосали самодельные папиросы, набитые крошеным табачным листом, словно набирался дыму на весь рабочий день. Лишь зоотехник, одолев робость, которую неизменно чувствовал при встрече с начальством, что-то выволочило рассказывая инструктору райкома Карташнову.

— Раньше, когда мы кунали овец мелкими партиями,— говорил зоотехник,— купанье ставнивалось на пить—шесть дней. Это распространяло нормальную жизнь отары, распялло сил овецодов. А сейчас решили одним духом: под утро пригнали отару, искунали, а к ночи — на пастбище. Как говориста: «Р-раз — и в кась!» Повогорка омы по-наивьясь, и он повторил: «Р-раз — и в кась!»

— Кто же инициатор этого дела?

— За всякое зоотехническое мероприятие отвечает ваш покорный слуга,— зоотехник с жадностью поглядывал на блокнот, который инструктор держал в руке.— Фамилня моя Злотин. Да, Семён Данилович Злотин.

— Вы меня не поняли, Семён Данилович,— мягко сказал Карташнов.

— У зоотехника стало сонное лицо.

— Надумили чабаны... Я поддержал.

— Скажите вот что: который вышел, верно, главный чабан?

— Главный... — повторил Злотин таким тоном, будто сам не был вполне убеждён в этом.

— Чубаров, если не ошибаюсь? — Карташнов вдруг совсем по-мальчишески рассмеялся и хлопнул себя по колену. — Характерный старикан!

Дверь распахнулась, в комнату авелет подласок. Он, видимо, имел важное сообщение, но, запихавшись от чрезмерного усердия, лишь взглянул зубами и замазал руками. Но пастухи поняли его без слов и грубой повалили из домика.

Возмущившись в самую гущу, старые чабаны громкими криками, свистом, поступом деревянных колотушек попытались выгнать овец из загона. Овцы шарканулись и встали плотной, дрожащей, как студень, массой.

В это время Поля и подласок Вася пригнали из закутка с дестков коз во главе с огромным козлом, в жёсткой клетчатой шерсти цвета высушеного дубового листа. Он был чужд не с телкина ростом, лодорный, важный, но комоный.

Козы вломались в ту часть стада, которая находилась поближе к краю загона. Напористые, жилистые, они разворотили плотную овечью толпу, лишили её спянности.

— Коол! Коол! — закричал издаലെка главный чабан. Крик его означал: «Козы, вперед!»

— Коол! Коол! — на все лады подхватили чабаны, подласки, бойцы-аэробаждящи и бабка Дуля, древяня сторожика овчарни.



— Ко-о-а! — неожиданно для себя завизжала Поля и прутот огрела по спине дорожного козла. Тот болтал вуход безгоровой головой и ринулся вперёд, отшвыривая овец, улекая за собой коз. Заработали пруты по тонким нокам овец. Вскинулись маленькие головы, овцы увидели вожаков и устремились к болоту.

— Пред перед нами! — ослепительно пробрили в овцах древние навыки: тяжеломозные, тонконогие, они выделывали прыжки, которым позавидовали бы их горные предки.

А тут ещё перед самым «предбанником» козыл вдруг свернула в сторону. Овцы испуг мгновенно перелетели овцам. Кажется, ещё секунда — и весь гурт окажется расстреляно. Но, опередив боя, Аликпер схватил за шёрстные рукава козла и повернул его к воротам; гинлок ногой — и, утрапив своё достоинство, бородатый муж ста жён гинлок влетел в круглый загончик. За ним вибрирующе — козы, а затем и овцы, вновь покорные вожакам.

...

Своеобразную и живописную картину представляла собой площадка овцеводов. Посоводу, куда ни глянешь, мечтался овец. Издавая всевозможные вогазлы, их преследуют люди до цепочкой, то порознь.

— Ну как, не угорблила ещё стада? — спросил подхвачивший на мотоцикле Миша Пустовойтов, председатель сельсовета.

— Нет ещё, — сумрачно отозвался второй чабан.

Председатель сельсовета оглядел поляну, и на молодом загоролом лице его отразился азарт и страдание.

— Как же это они так разбежались! Ну-ка, я их маленько поверну.

Он дал газ и повёлся вперёд кривою овец, бежавшему к дороге. — «Предбанника» давали. Овцы забавили своими телами воротца, три

Сбит на разбежку овцы пытаются втиснуться в самую гущу. Малыши, попавшие в давку, уже не блеют, лишь попискивают, стиснутые боками маток.

Рядом в тоскливом бездействии маячат зоотехник. Он чувствует свою полную беспомощность в этой живой напруженной сумятице и даже боится взглянуть туда, где в жуткой тесноте и духоте страдальчески выкаивают ягненок.

Наконец, видно, приняв какое-то решение, он нагнует заступку своей тяжёлой, негнущийся плащ и пробрался к главному чабану.

— Тимофей Ильич, слышь? Гони назад!.. Назад, говорю, покуда овцы цыпа.

— Как это назад? — ошенил главный. Мокрые пряди его волос липнут ко лбу и вискам, ровная рваная рубаха проточена чёрным жиром пота. — Нешто купка отменяется?

— Как раньше купали, так и будем!

— Ну, нет! С подлордги назад не сворачивают. Ты не горячись, Даныльч, следи.

Хочешь, чтоб нас на весь район осланил? — Зоотехник яростно мотнул головой в сторону Карташова.

— А хоть бы и так! — зло и весело сверкнул глазами чабан. — По крайности, люди за наш счёт поумнеют.

Зоотехник тоже озаился:

— Добром не хочешь, так я прикажываю!..

— Чабаны с вот сбались, раскинулись овцы, а свалка у воротец «предбанника» всё не уменьшалась.

— Молодчик вырвучайте! — крикнул главный. Он сложил ладони рупором. — Поля!.. Мамедч! Давай на подмогу!..

А с Полей всё это время творилось что-то необычное. Она невольно пришла на овцеводу с тихой табачной плаваняти и впервые приняла участие в таком бурном занятии и шумном деле. Крики, свист, звонкий постуток колотушек, жаркая суета работы взметнули её душу и погнели. Она бегала по площадке, что-то кричала, размахивала руками, горячий пот заливал глаза, в калых вспыхивало солнце, а ей казалось, что над поляной льётся золотой дождь. Странное, чудесное чувство счастья задало его. Счастием было ощущать свою причастность ко всей этой яростной борьбе, счастьем было чувствовать неуступную лёгкость тела, и кричать во всё мощь тоже было счастьем. И было что-то, делавшее все её чувства такими острыми, — первый трепет пронзющегося сердца.

Прибежав на зов главного, Поля увидела Аликпера. В лице его было сейчас что-то упрямое, чёрные глаза сверкали, он чуть не до крика хватался за дымящую палку, выкатывавшая бугры мускулов. У Поля даже холодок пробежал по спине: властный зовный, властный мук будет в доме...

Она пробралась поближе к Аликперу, нарочно вскрикивала, громко смеялась, стараясь привлечь его внимание. Тихею! Работа — работай, а мой бы хоть у тебя — пополю киношты. Аликпер верно решил: «Поплю» — надо, наладит другие. Он сильный и красивый. Его любит девушка. Она сама оттолкнула его...

Прикрыв рукой задрагоценные губы, Поля, как в омут, кинулась в овечью свалку. Она схватывала за крестца крупную матку, поднимая мук себя ягнёнку, и попыталась поднять, оттащить её прощ. Тяжёлая работа арывалась из рук, её жесткая шея рвала ладони. Поля потонула ому на себя, запрокинулась назад, ей показалось, что она вот-вот сломает спину. Но отпустить нельзя, овца рухнет на ягнёнка. Слезы застят её глаза, и она не видит, почему овца стала вдруг такой

лёгкой. Затем, словно сквозь оттаивающее с мороза стекло, зыбко и туманно перед ней возросло встревоженное лицо Аликпера.

— Нехорошо, себя не жалешь, меня обласкал! — с укором сказал Аликпер.

Смущённая и расторопная Поля взяла его за руку. Большая, сильная, с вонными подушками мозолей рука Аликпера в её ладонях стала покорной, трогательно беспомощной. Но тут её снова разделили овцы...

Запруда у воротец наконец прорвалась, овцы неудержимым потоком хлынули внутрь загона и вымг заблели его до откала.

Второй чабан оторвал заслонку. Главный влезая за рогатину. Он почти совсем освободился от своей ветхой рубахи, спереди видны шёрта рукава да узкий ошейник ворота. Полуголый, вооружённый рогатиной, с ласковыми и грозными глазами, он похож на бога Нептуня, какими его изображали на кораблях, перескакивающих экватор.

Не дожидаясь, чтоб его спихнули, козля иронически фыркнул и сам вошёл в воду. Он такой рослый, что ему не нужно плыть, он шагает по дну ванны, задрал голову, чтобы не замочить бороды. Козы немного полплали на лесенке и пустились плыть за своим вожаком. Но первая же овца заурчала, Аликпер перескочил через загородку и в воду. Главный напеллся рогатиной и даждаж окунул овец. Вынырнул, она что есть силы заработала ногами и быстро достигла конца жёлоба. Овца вышла из ванны, словно отлитая из гипса. Но вот она встряхнула, окропив всё вокруг себя молочными брызгами, и вновь стала мягкой и шерстяной.

Главный чабан с одним видом несколько раз окунал каждую овец, как вадру обратил внимание на председателя сельсовета.

— Миша, а ты-то зачем здесь?

— Как зачем? Какое мероприятие проводится, а вы хотите...

— А мы хотим, чтобы ты помнил, кто ты есть. Ты же советская власть и достоинство наше, тебе же желательно быть каждой боке завете...

С утра сельдешо свою Коломбину и ну носиться! Чубуки вы-скажижот — ты туда, колодезь роют — ты тут, как тут; овец купуют — опит ты...

— Так ведь беспокоишь...

— Не о том беспокоюсь, Миша. Мы маленько siamo с головой. Шибёшь-ка серую... Да вот покуда ты носишься неиньт где, тебя нарочно...

Придём посетителей с четырёх до пяти... Я тебя, пострел! Топуть надумал...

— За рожки, за рожки его!.. — Главный подцелел ягнёнка рогатиной и осторожно поведё к сушилкам.

— Лойми, Миша, ты же власты! Ты должж большой думой жить. Чубуки и без тебя посадят, и овец выкуают, а вот порядки в пионерлагере без тебя никто не наведёт. А ведь там дети, Миша, — первая забота нашего государства!

— Какие же там пионерлаг?

— Одежду не хватает, иров никаких нет, а воспитательница такого характера, что ей не за деться... Я бы, как у бугами хотеть...

— Паро, старо! Там уже третий деле комиссия от сельсовета работает.

— Третий деле! Что же они там делают?... Эх, Миша, Миша, думашь, не понимаем, чего ты мелешьнишься? Хочешь показать народу, какой ты беспомощный и до всего пристыженный?

— Не пристыженный, не пристыженный, прокатят на ороных за мой нежудебности ты лично не прелстись, прокатят на ороных за мой нежудебности... Куда прешь, сатаи! — И чабан рогатиной выпротал ягнёнка из-под броча маток.

— А ну вас к богу в рай!.. — пробормотал Пустовойтов и отодвинулся от главного.

— Чего ты на него напал? — спросил второй чабан. — Он же от чистого сердца, парень молодой, самозабываясь...

— Вот и надо учить, судка молодой, старого поздно будет, — спокойно отозвался главный.

...

...Близится вечер. Вершина Кара-Дага залёбрилась облаком, склоны взморились тенями. Лёгкий ветерок промывает по траве, остудив разгоряченные тела. Ветерок неслышимо выдувает слово и он принимал участие в работе. В. Евлерский много работы и трудностей, а у Аликпера дела ещё одно: получился. И главный чабан сказал с лёгкой насмешкой зоотехнику:

— Ну, Даныльч, можешь докладать начальству...

— Воду ведь сменил, простыла, — ответил Зоотехник слабым, больным голосом.

— Это мы зарази! Ну-ка, Васятка, давай к кубовой! — Чабан заметил Карташова, такого бледного, жалкого, промокшего по траве, остудив разгоряченные тела. Ветерок неслышимо выдувает слово и он принимал участие в работе. В. Евлерский много работы и трудностей, а у Аликпера дела ещё одно: получился. И главный чабан сказал с лёгкой насмешкой зоотехнику:

— Ну, Даныльч, можешь докладать начальству...

— Воду ведь сменил, простыла, — ответил Зоотехник слабым, больным голосом.

— Это мы зарази! Ну-ка, Васятка, давай к кубовой! — Чабан заметил Карташова, такого бледного, жалкого, промокшего по траве, остудив разгоряченные тела. Ветерок неслышимо выдувает слово и он принимал участие в работе. В. Евлерский много работы и трудностей, а у Аликпера дела ещё одно: получился. И главный чабан сказал с лёгкой насмешкой зоотехнику:

— Ну, Даныльч, можешь докладать начальству...

— Воду ведь сменил, простыла, — ответил Зоотехник слабым, больным голосом.

— Это мы зарази! Ну-ка, Васятка, давай к кубовой! — Чабан заметил Карташова, такого бледного, жалкого, промокшего по траве, остудив разгоряченные тела. Ветерок неслышимо выдувает слово и он принимал участие в работе. В. Евлерский много работы и трудностей, а у Аликпера дела ещё одно: получился. И главный чабан сказал с лёгкой насмешкой зоотехнику:

— Ну, Даныльч, можешь докладать начальству...

— Воду ведь сменил, простыла, — ответил Зоотехник слабым, больным голосом.



Комсомолец Александр Малухин, один из лучших мастеров сборки Московского несессного завода имени М. И. Калинин.

Студенты Московского архитектурного института
на выставке Ленино-Сталинского комсомола.
Фото А. Моклецова.



ВЕРЕГИ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ!

НА ОБСУЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

В жизни бывает много разных встреч, впечатлений. Кто-то обильно забывает, некоторые же из этих впечатлений долго и плавно бродят в памяти, возникают по тому или иному случаю, натакаивают на разум.

К таким незабываемым впечатлениям и относится, казалось бы, незначительные эпизоды в моей жизни. А вот думаешь и думаешь о них.

Однажды я ехал по степной дороге на легковом автомобиле. Дело было года два тому назад. Южная кубанская равнина с небольшими курганами и редкими гнидами над ней сопровождала нас на всем пути. Была жаркая августовская пора. Придорожные травы уже отцветали, и вместе с пылью в воздухе разносились их горьковатые запахи.

На горизонте собралась темная туча. Порывы внезапно налетевшего с гор ветра быстро погнали эту густую тучу на равнину. Упали первые капли дождя. Они падали на пыльную дорогу, как дробь, обваливались пылью и не сразу впитывались в землю. Кубанские грозы и летние ливни бывают коротки, но обильны влагой.

Дорога грейдерная, грунтовая хороша для вёдер, а в дождь митовено «склизнет», как говорят на Кубани, машину записит, а если дождь зарядит надаого, то хоть вылезай и иди пешком.

И вот, помня обо всем этом, видя приближающуюся тучу, водитель нажал на газ. Мы решили убежать от грозы и ливня. До станции оставалось немногим больше пятнадцати километров. Всё же дождь настал нас, гаду заступила о дорогу и более зловеще — о курью машины.

В это время мы увидели впереди нас трёх пешеходов. Они, вероятно, возвращались из города в станицу, и гроза застала их в поле.

Уже издали, завидев нас, путники сошли на травянистую обочину, и все трое подняли руки — извечный знак пешехода: «Подъезжи!»

Мы резко сбавили скорость. Три молодых пареня с подёрнутыми штанинами поджидали нас. Первый из них был курчавый пухлый юноша. На его вселом, обильном дождем смуглом лице сияли как расплавленные натеки глаза, а правая рука, выразительно поднятая вверх, требовала: «Всех тронь!» — три пальца были растопырены, два остальных крепко зажаты к ладони.

Второй, сухохвостенький, стриженный паренёк, держал в руках какой-то узел. Он сторонился первого, держась поближе к третьему. Всем своим телом, мимикой подвижного лица, смысловыми, проворными взглядами он как бы говорил: «Если нехальт всех, то возмите нас двоих, видите, мы совсем маленькие, а этот, шит, велик, не вместишь!»

А третий, смуглый но больше семидецати, решил перенерить всех. Пользуясь тем, что его не видели товарищи, он подиргивал на своих босых ногах, помахивая привлекливо и даже угодливо соломенной широкополной шляпой. Думая, что его жесты не пройдут, он тыкала себя в грудь: «Шут, мол, с ними, если нехальт, я один, худенкий, не заваяжу.»

Всё это мгновенно запечатлелось в моем сознании.

У меня что-то внутри заколобалось и на душе стало тоскливо. Взять только первого, курчавого парня, — не следет, пожалуй, один, ождежся, а потом как объяснить, почему оставляем друзей? Взять всех троих и поговорить с ними?..

Водитель также всё увидел и разгадал. Он посмотрел на меня — и... мы проехали мимо. Но в эту минуту машина заскользила и метров через сто сползла в глубокий кювет. Мотор тлещно выла, задние баллоны натужно выбрасывали комья грязи. Завели мы выдого. В тумане дождя трое ребят быстро догнали нас. Они шли шеренгой и ввали клаку-то несняку.

Все трое по-разному приняли наше положение. Семнадцатилетний парнишка торжествующе протянул: «Ага!» Второй равнодушно изучал обстановку.

Старший, курчавый парень немедленно принял решение: «Мы сейчас гуртом поставим машину на дорогу.»

Через несколько минут она стояла на тракте. Я предожидл ребятам садиться. Первым юркнул семнадцатилетний парнишка. Усевшись, он быстро выгтер алошками грязные пятки, снял шляпу, или, как у нас её называют на юге, брыль, и прикрыл её озыбие колени. Неохотно влез в машину второй. Курчавый помог мне, закрыл за мною дверцу и потом уже сам сел а машину. Поехали осторожной.

Вначале далося неловкое молчание. Нетрудно было догадаться, кто и что думал в это время. Самым правильным человеком в нашей компании, конечно, чувствовала себя курчавый парнишка. Ему было очень хорошо. Ничто не омрачало его мысли.

Курчавый не знал, что друзья эгоистично решили оставить его на дороге. Он не видел их предательских жестов и считал их попрежнему хорошими друзьями, не способными ни на какой дурной поступок, противоречащий написаным правилам дружбы.

Стриженный парень был смущён и всё чего-то ждал от нас. Он, видимо, с удовольствием бы вылез из машины и пошёл пешком, только чтобы его не разоблачили. Его мучила совесть. Он предупредительно отвечал на наши вопросы. От него мы узнали, что все трое учились в одной школе и путешествие их в город было вызвано желанием узнать, куда бы поступить учителям дальше.

Третий же паренёк был невостужимо весел.

На окраине станицы они сошли, поблагодарили нас за услугу, и этот, третий парнишка, хитровою побаскивая чёрными глазами и играя своим подвижным маленьким личиком, на прощанье сказал:

«При коммунизме все будет пешего подвозить!»

Он засмеялся, взял об руку старшего, и они зашагали по улице, обожженной молодыми аканиями.

Мы тихо поехали к площади. — Ну, как, Вася? — спросил я шофёра. Мы с ним заговорили о том, какие будут люди при коммунизме, возможно ли будет тогда такое отношение в дружбе, да и нормально ли это сейчас, если вести речь о морально-этических нормах.

Очень важно воспитать в себе чувство принципиальной товарищеской солидарности, взаимной поддержки. Нужно, чтобы была развиты подлинная дружба честных людей, а не приятельство, круговая порука, взаимная амнистия. Без этого трудно говорить о вопросах чести.

Каждый из читателей «Смены», видимо, встречал в своей жизни не один пример хорошего и дурного, связанного с вопросами разного понимания дружбы, товарищеской спайки. Эти вопросы следует поднимать и обсуждать: от этого будет только польза.

Советское общество — коллективное общество. Путье же непонятны нам черты индивидуализма, желание подчинить инте-

Владимир МОРОЗОВ

Сестренка

Вот так новости днел

От сестрёнки, от школьницы Тати,

В институт мне сегодня

Пришло знакомое письмо.

Только несколько строк

На листочке из школьной тетрадки:

«Братик, ты... понимаешь,

Я завтра вступаю в комсомол.»

Закрывая глаза я:

Сестренка... В чернилах ладони,

За щечку конфетина,

Будто припухла щека...

И ей редко писал —

И всегда в невздательном тоне,

Потому что сестру

По привычке ребёнком считал.

Ей четырнадцать лет.

И, как младшей сестре, в день рождения

Я ей кульку купил

На стипендию

Этой зимой.

А она, между тем,

Принимала большие решения

И смотрела на жизнь

Одним глазом со мной!

Петровосков.

рсы общества и окружающей среды только себе. Индивидуализм рождает самоинтерес, отрешает от товарищей!

Многое в нашей жизни складывается из мелочей. И если долго в своём уме бродит этот случай и всё проносится на бумагу, значит, есть в нём какой-то значительный смысл, значит, это не такая уж мелочь...

Вот другой случай.

Ко мне однажды обратились с просьбой молодой человек. Характер его просьбы был таков:

— Я окончила университет, все говорила, что я способный человек. Не буду себя звать, но многие удивлялись моим дарованиям. Я определилась на работу, где меня хотели уважать, ценить и хвалить. Я хочу уйти с этой работы... Мне там тесно.

— Почему же вам там тесно?

— Потому, что я чувствую в себе больше сил, чем я могу их применить в этом месте. Раз меня хвалят здесь, значит, я способный человек, значит, в другом, более крупном учреждении я принесу ещё больше пользы, и там я могу разворваться в полную меру своих сил.

— А вы развернетесь здесь?

— О! Здесь так много мелких людей! Я заскучу здесь!

Сколько же лет этому человеку, столь строгому к окружающим людям, стремящемуся на широкие просторы? Всего двадцать два года...

Взлетит ли из его топа на новом месте? Не слишком ли он переоценивает свои способности? Не слишком ли недоуражен он к тому коллективу, который, очевидно, воспитывал его, учит уму-разуму и, естественно, хвалит его, как своё дитя, может быть, зачастую и не видя в его молодой психологии зачатков эгоизма, самовлюблённости?

Подобные разговоры не часто, но приходится слышать или читать в письмах наших молодых людей.

Вспоминается мне ещё один случай.

На конференции колхоза работал паренёк шестнадцати лет. Хороший, бойкий парень. Он решил влиться вместе со своими старшими товарищами, работавшими на ферме, в соревнование с соседним колхозом на лучшее содержание конского поголовья.

Паренёк был активный, горючий, с головой погружённый в эти новые для него заботы. Ему хотелось отличиться. Доски показателей висели на его ферме и на ферме соревнующегося колхоза, а межколхозная комиссия ежемесячно подводила итоги.

Однажды пареню-конюху показалось, что его кони спали в теле, хотя корм выдался по существующей норме. Тогда он, не советуясь ни с кем, тайком отправился с мешком к колхозному ячменю.

Лощадки в самом деле заискалились, соревнование выдалось в пользу молодого конюха, но в закромах колхоза зерно недоставало семнадцати пудов корма. Молодого конюха поймали с поличным.

Правда, в конечном счёте его оправдали. Им двигали благородные порывы, это верно! Но одновременно он совершил и незакононый поступок, который ему простили только лишь благодаря чуткости окружающей среды, а ведь, подойдя формально, его можно было и осудить. И легло бы пятно на чистотах его молодости...

Над этим надо задуматься. Реша что-то сделать — посоветуйся, выясни точку зрения более старших по опыту товарищей, посетуйся, тогда не будет той неприятности, которая произошла с этим, очевидно, неплохим молодым человеком.

Хочется поговорить и об отношении к труду.

Помню, среди рабочих производственных цехов... в тридцатых годах... было много замечательных мастеров своего дела, хорошо выполнявших свой долг перед государством и собственной совестью. Им честь и хвала! А были и нерадивые люди, с хитринкой, которые ставили свои личные интересы выше интересов общества: «Сработай поменьше, а урвать побольше». Как ни странно, а такое отношение замечалось не только у некоторых неосознательных людей старшего возраста, несших груз прошлого на своих плечах, но и у молодёжи.

Вот работник, например, фрезеровщик, переполняет норму.

Подходит к нему нормировщица, чтобы снять норму. Ребята ему моргают: «Темни». И он, слушая ребя, начинает «томить», то есть в присутствии нормировщицы работает через пень-колоду, тормозит, делает так, чтобы убедить нормировщицу, что переполнение нормы выработкой относится на счёт приката обеденного времени, более раннего выхода на работу или за счёт чисто физических усилий, а не за счёт заниженных норм. Такое обкрадывание государства считалось у некоторых удачным, а покрытие этого — проявлением рабочей солидарности.

А на самом деле равенство, а главное, обмен коллектива предпринятия, борющегося за рост производительности труда.



Товарищ Нина Юшина.

ОБГОНЯ ВРЕМЯ

Однажды в ленинградской трамвае мне довелось быть случайным свидетелем разговора двух девушек. Одна из них, маленькая, белокурая, в форменной пальто революционерки, рассказывала по-русски:

— Учились окончила на «отлично», мне установили пятый разряд. Поинтересуйся, а теперь товарищ пистолет разрядил! Вторая девушка слушала подругу небрежно. Видно было, что всё это её мало интересовало.

— Зачем это тебе нужно? — сказала она.— Никогда романтики. Я, например, вот артисткой!

— Как это никогда романтики! — горючо сказала она.— Разве ты не слышала о Ганрике Боттевини, ведь он ленинградец! А Павел Баклов, Николай Чинорев, Юрий Динюв — разве они не артисты своего дела!

Этот разговор вспомнился нам, когда мы познакомились на машиностроительном заводе «Красный пролетарий» с двумя замечательными подругами — Ниной Юшиной и Настей Малотиной. Они почти одновременно закончили учёбу: первая — ФЗО; сейчас они работают товарищи на участке опытного мастера Александра Ивановича Митвева.

Мы не спрашивали подруг, есть ли романтика в их профессии. Девушки так гордо говорили о своих делах, что само собой было ясно: есть!

Нина Юшина, стройная, весёлая девушка, с ярым румянцем на щеках, первая затронула этот вопрос.

— Всякий человек! — сказала она, — если он оправдал своей специаль-

Товарищ Анастасия Малотина.

С появлением стахановцев, а потом с войной эти «темнейшие» почти ушли в прошлое.

Теперь это уже считается не молодечеством, а морально недопустимым поступком. И всё же кое-где и среди кое-каких малоознающих рабочих подобные отсталые настроения ещё встречаются. И с ними надо бороться.

Особо и чрезвычайно забавно стоит вопрос о воспитании молодого человека в семье и в коллективе.

Семья, родители — это главные воспитатели ребёнка, школьники. В семье даётся первоначальные представления о морали, долге, чести.

Бывает иногда так: некоторые молодые люди, достигнув «паспортного» возраста, расценивают воспитательное воздействие родителей как нечто их обижавшее: «Что вы мне говорите? Разве я сам этого не знаю!»

Здесь, видимо, должен прийти на помощь другой воспитатель — коллектив, комсомол.

ВВРЕТЬ ЧЕСТЬ СМОЛОДУ



КОГДА В ТЕАТРАХ ЗАЖИГАЮТСЯ ОГНИ...



Роль учительницы Светловой, помогающей забастовщикам, исполняет артистка С. Чибисова. Спектакль «Перед грозой». Украинский Драматический театр имени Т. Г. Шевченко.

Правдивый образ Веры Павловны создала артистка Т. Семичева в постановке «Новые люди» (по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?»). Этот спектакль с успехом идет в русском Драматическом театре имени А. С. Пушкина.

К Людмиле Шаровой (арт. М. Кривулин), терпящей зрение, пришел её школьный товарищ Пётр Яковлев. Одноклассники помогают девушке окончить школу. О большой дружбе рассказывает спектакль «Её друзья», поставленный областным Драматическим театром.





В балете «Раймонда» молодая балерина О. Байнова выступает в паре с В. Гудимено, исполняющим роль пажа. Этот спектакль поставлен Театром оперы и балета имени М. В. Лисенко.

Ежедневно в восемь часов вечера зажигаются огни рампы в сотнях театров нашей страны. Среди зрителей всегда находятся такие, которые особенно проникновенно и ревниво глядят на сцену. Это юноши и девушки, мечтающие посвятить свою жизнь самому передовому в мире советскому искусству.

Несколько лет тому назад с таким же замиранием сердца входили в зрительные залы харьковских театров и Людмила Тарасова, и Светлана Чибисова, и Елена Лыцканович, и Леонид Быков.

Сегодня они уже испытывают иное волнение — творческое волнение профессиональных актёров, исполняющих ответственные роли.

На сцене театров Харькова заметной и почётное место занимает талантливая актёрская молодёжь. Город славного театрального прошлого, вырастивший немало выдающихся мастеров сцены, бережно хранит и развивает высокие традиции заботливого воспитания театральной молодёжи.

«Проблема типичности есть всегда проблема политическая», — сказал тов. Маленков в своём докладе на XIX съезде партии.

Создавать на сцене типические образы помогает молодым актёрам Харькова их идейная закалка, их политический кругозор, который повседневно расширяется.

Харьковский госцирк. На маневре артистки Ариазовой, участницы программы «На арене молодёжь».



Запоминающийся образ рабочего подростка Даша создала солистка Театра оперы и балета Н. Васильева в балете «Юность» М. Чулан.

Почти вся актёрская молодёжь Харькова — люди с высшим образованием; подавляющее большинство из них — воспитанники Харьковского театрального института и Харьковской консерватории.

Творческой померк молодёжь актёров-харьковчан определяется прежде всего солидной реалистической школой театрального мастерства, которую они прошли под руководством таких выдающихся деятелей искусства, как народные артисты СССР М. М. Крушельницкий, И. А. Марьяненко, А. Г. Крамов, А. И. Сердюк, народные артисты УССР Д. И. Антонович, В. Н. Чистякова.

Всего лишь год тому назад двадцатипятилетний Леонид Быков закончил Харьковский театральный институт, а сегодня у него за плечами в числе прочих серьёзных ролей отлично исполненная роль Павла Корчагина в пьесе, поставленной по роману Николая Островского.

Позади годы институтской учёбы, но учёба никогда не может закончиться, она продолжается.

И вот Леонид Быков, Павел Грубник, Светлана Чибисова, Людмила Тарасова и многие другие продолжают учиться у тех же своих учителей, но уже не в залах и аудиториях института, а на театральных репетициях, на сцене театра.

Ещё вчера народный артист СССР Александр Сердюк был для Светланы Чибисовой наставником, учителем, а сегодня он её старший товарищ, вместе с ним выступает она в спектакле «Гибель эскадры».

Так живёт и крепнет преемственность лучших реалистических традиций советского искусства. Так растёт творческое содружество театральной молодёжи и актёров старшего поколения. У тех и у других одни, общие интересы — интересы служения Родине и народу.

Вл. ДОБРОВОЛЬСКИЙ



СЛЕДУЕТ ИМЕТЬ В ВИДУ

Рисунки Е. Ведерникова

К. ВЛАДИМИРОВ
Юта
Бобохидзе
РАСКАЗЫВАЕТ...

Есть на тракторном заводе
Комсомольский секретарь.
Как ни странно, но в народе
Все зовут его «сухарь».

Комсомольцами завода
Был устроен лыжный кросс.
Секретарь перед походом
Речь о кроссе произнес.
Речь призывная блистала,
Но на лыжи сам же стал он,
Так как важному лыжу
Лыжи, право, не к лыжу.

Ставший вечер новолуний
Мы устроили сегодня.
Сколько смеха, пестр звонких
И веселья! Только лыжи
Секретарь стоит в стороне,
Содержа свой проstack.
Понимать жалко очень,
Он серьёзно озабочен:
Может, важному лыжу
Тащи тоже не к лыжу?

Согласится без обиды
(Для обид причины нет),

Что одним солидным видом
Не создашь авторитет.
Этот факт, как говорится,
Следует иметь в виду
Комсомольским властным лицам
В наступающем году.

В. БАХОВ,
Я. КОСТОКОВСКИЙ



Знатный экскаваторщик Куйбышевщиздросторь Борис Коваленко
работой, но и своими рационализаторскими предложениями. Он сконструировал для экскаватора «Уралки», на которой работал, новый ковш, позволяющий работать с половинной кубометра грунта вместо трёх. Это резко повысило производительность машины. Уральский завод тяжёлого машиностроения уже выпустил несколько таких ковшей.

Недавно бригадир комсомольско-молотовского экскаватора Коваленко внёс ещё два предложения и в связи с этим был вызван в Москву. В беседе с корреспондентом журнала «Семена» Борис Коваленко рассказал:

— Внешний вид строительств быстро меняется. Ещё летом речная часть котлована водя задние гидростанции была заполнена водой, и экскаваторы, находившиеся на переменной, вынимали грунт со дна Волги. Сейчас они выведены из котлована, узкой проход в горелые, прован, «заматы», как говорят строители, песком, и из отворит строительств нагнать от реки странства вычана вода. Остается подогнать и подвести к землеройным машинам, и можно уладывать работу. В речной части котлована ведутся бурные работы. Для того, чтобы вода из нижних слоев грунта не подпала в котлован, он опоясывается цепью скважин, через которые по трубам вода откачивается в Волгу.

На глазах меняется и береговая линия котлована. Почти все экскаваторы уже работают в уровне урания воды, а на отдельных участках доходят до провентя глубина и начата укладка бетона. Напряженной трудовой жизнью живут строители котлована — шпунты — в tieto первичные, чтобы они не слобились, и не выдерать лобовой матис воды даже во время весеннего паводка. Для летних строительных работ с одного берега на другой сооружается подвесной трамплин. Монтажные бригады собирают и устанавливают для ней стальные мосты. В конце концов, в котловане строятся бетонные заводы, подъездные пути, жилые дома, клубы.

В ЖИГУДАХ

Беседа с экскаваторщиком Борисом Коваленко

Интересно, напряженной жизнью живут возникшие на пустом месте вокруг строительства новые города и посёлки. Строители ощущают заботу всей страны. Не проходит

и друг о друга, не бонис суровой и справедливой товарищеской критики своих недостатков. Иван Чеполова был моим помощником, в бригаде он вирос и стал экскаваторщиком, а теперь работает на хуме такого опытного машиниста, как Василий Сердюков. Мы мастерами и другие помощники. Особым увлечением в бригаде пользуется молодой электик Старилов, в совершенстве изучивший энергетическое оборудование экскаватора — сердце машины.

Друзья, взаимопомощь и взаимная выручка помогают всей бригаде успешно работать. Намедни смена вынимает две — две тысячи кубов, тридцать по норме. Все мои друзья постоянно озабочены тем, как бы ещё больше увеличить свою выработку. Сейчас приходится работать на сильно разномышленных грунтах, плавких, менее урания рени. Часто нас задерживает автотранспорт. Самые грузопоники-самосвалы с трудом передаются по глинистой, грязной дороге задусят, тормозят работу экскаватора. Да и самому экскаватору тяжело передаваться по рыхлому, липкому грунту — приходится делать промозглые бревенчатые настели, чтобы сервомашине вылезла. Я думаю, что надо смонтировать от экскаватора и отпавляющие транспортеры, которые и будут уносить вынимаемый грунт. Такая организация работы не только позволит нам выжить из экскаватора всё, что он вынет даже по озабоченности для строити те пятнадцать десятичных самосвалов, которые нас обслуживают. А чтобы экскаватор не погрязнул в мягкий грунт, мне кажется, нужно оборудовать поперечный гидравлический плитой, которую можно установить между гусеницами.

Борис Коваленко.

Наш «Уралец» разбирает речную часть котлована от берегов. Все члены бригады работают на совесть, оправдывают имя матроса Железняка, присвоённого экскаватору. Все мы стремимся побольше узнать из книг и учебников, не стесняемся учиться

и друг о друга, не бонис суровой и справедливой товарищеской критики своих недостатков. Иван Чеполова был моим помощником, в бригаде он вирос и стал экскаваторщиком, а теперь работает на хуме такого опытного машиниста, как Василий Сердюков. Мы мастерами и другие помощники. Особым увлечением в бригаде пользуется молодой электик Старилов, в совершенстве изучивший энергетическое оборудование экскаватора — сердце машины.

Друзья, взаимопомощь и взаимная выручка помогают всей бригаде успешно работать. Намедни смена вынимает две — две тысячи кубов, тридцать по норме. Все мои друзья постоянно озабочены тем, как бы ещё больше увеличить свою выработку. Сейчас приходится работать на сильно разномышленных грунтах, плавких, менее урания рени. Часто нас задерживает автотранспорт. Самые грузопоники-самосвалы с трудом передаются по глинистой, грязной дороге задусят, тормозят работу экскаватора. Да и самому экскаватору тяжело передаваться по рыхлому, липкому грунту — приходится делать промозглые бревенчатые настели, чтобы сервомашине вылезла. Я думаю, что надо смонтировать от экскаватора и отпавляющие транспортеры, которые и будут уносить вынимаемый грунт. Такая организация работы не только позволит нам выжить из экскаватора всё, что он вынет даже по озабоченности для строити те пятнадцать десятичных самосвалов, которые нас обслуживают. А чтобы экскаватор не погрязнул в мягкий грунт, мне кажется, нужно оборудовать поперечный гидравлический плитой, которую можно установить между гусеницами.

Тысячи юношей и девушек трудятся на великой сталинской стройке у берегов Волги. От их имени мне хочется передать читателям «Семена» комсомольский привет и завячить, что Комсомольский ГЭС даст энергию в срок, указаный в директивах XIX съезда

На полную четырёхтонную мы мати по шоссе. Вера в человека, в беспредельность сил науки — пожалуй, главная черта моего спутника. Ещё со школьной скамьи Шота Бобохидзе мечтал стать учёным. Юночи институт, он поступил в аспирантуру и всё своё время отдал главному делу — гидротехнике.

...На острове Рене, возвышении, преграждая путь Рене, возвышении, преграждая путь. Это и есть цель нашей поездки. Мы стоим с машиной Пятдесят тысяч гитаров орощается отсюда — свистит по-кажисьси сообщать мне Шота. — На моих глазах переустраивали. — Из сиромости он умалчивает, что и сам участвовал в построении оловоного сооружеия Тиринии — Савтисе.

Рабочие достают из верхнего бьефа лыжи, у которого встроили рессоры металлические рессоры. В лыжи набралось много камней. — Это ботомать, — поясняет Пётр. Пробор для опривления холта-деша наносов в воде. Видите! Дале в лезию погуду рака несёт тачиче брешчи! — Он брёт из ботоматра увесистый камень и подирает на как бы стараясь меня убедить. — А теперь ити сюда, поспирити!

Мы взбираемся на бетонную стенку и пробираемся к оросительному каналу. Рабочие достают из воды второй ботомат — в нём ни единого камешка.

Этот и есть наша система в действии, — с гордостью говорит Шота. Руководитель Шота Бобохидзе в институте гидротехники и шёлоросторы, он был в числе первых, давших предлоию отводит наносы в нижний бьеф, то есть в речку ниже водопадного сооружеия. Для этого устрояются специальные наносоперехватывающие сооружения. Вдоль доинные течения, и наносы, нахаживающиеся в водопад, собираются в определённых местах. В этих-то местах и делаются теперь входы в галереи. Через них все твёрдые частицы сами собой вырываются в нижний бьеф, а вода в каналы поступает чистой. Простое и острое рение.

— Умею построено несколько таких водооборотов, — заключает Шота. — И все испытаны, дали замечательные результаты. Представляете, как бурно идёт работа! Пусть экскаваторы, бульдозеры, тракторы, которые намидь год выкапывают в котловане каналы кубометров наносов, чтобы оциплить существующие сооружения, теперь строят новые машины. — Он хочет ещё что-то сказать, но не находит нужных слов, чувствует подожжающее слова и инстинктивно вырывает рукой. — Пусть люди, занятые на различных участках, работают, участв, отхаживают. Пусть деньги, которые выделены на строительство, не пропадут зря. Полюи, — перебивает он сам себя, — это чистая эконоия в миллиарды рублей.

Шота говорит по-кажисьси; в его устех слышится гордость за всевозможные сооружения, созданные им и его товарищами, создавших замечательное сооружеие.

В новом году буду продолжать работу над диссертацией, — высказывает своё мнение Шота Бобохидзе. Новый доин водообор.

Для этого водообора в котловане строятся специальные перехватывающие галереи. Чистая вода из котлована вытекает в оросительные каналы и на холзные поля, а камни и гравий, минеральные вещества и другие вещества будут уноситься течением дальше, не причиняя никакого вреда. Шота Бобохидзе говорит, что в начале следующего года вынчитально повторит он. — Такого, например, в недалёком прошлом, не было.

ТАВРИЯ

Отрывок из романа

Голодом мчали в горьчей степи верховые. Спешили со всех концов — с токов, с таборов, эконий! — напрямик к главному помещью.

Солнце стояло в зените. Расплавленным стеклом дровах воздух, горела земля, все в трещинах, расклеванная так, что, казалось, не остыть ей и ночью. Мелки на пастбищах отары, ревели стада у колодезь в ожидании, пока набьют вместо вычерпанной живой вода.

Степь лежала, словно парализованная жарой. Ни где ни травы со сноками, ни пыли на току. Лишь одинокие всадники мчались напрямик в Асканию, пригибаясь к гривам, не жалея аржаников.

Одним из первых подскочил к главной конторе Савка Гаркуша. Бросил нерасоблагодного коня около коновязи и бегом пустился к крыльцу, где уже стоял чмог озабоченный пан Вольдемар с главным управляющим, урядником-чеченцем и несколькими чинами конторской челяди. «Вишь, прогуливаются здесь на холоде, а ты там отгаивайся да живай! Смелыхных врагов!» — подумал на ходу Гаркуша и, остановившись в нескольких шагах от крыльца, с ненавистью крикнул:

— Бунт, панцы, на току! Отказываются молотить!

— И У тебя? — раздраженно спросил панцы, и Гаркуше сразу стало легче: знавчик, каша варилась не только у него в таборе...

А панцы уже целая скляка зубы:

— Полюжись на вас, доведете вы меня, бестии!

— Осмелюсь напомнить, панцы, я не раз проси пристраств ко мне в табор чеченцев для порядка.

— Молчи, душни! Позволь мне знать, куда кого ставит! Что они требуют... те, твои?

— Воды!

— Помечались все на воде... пожал печальники, образившись, и управившись.

— На... вода все и началось... продолжал Гаркуша. — Чмог пайки водные отменили, чмог свежую возили на ток, с артезиана...

— Ха! А пива мюнхенского не заказывают еще? Распустились до последней степени!

Тем временем во двор летали верхами, кто а седла, а кто и без седла, мордастые, загорелые приказчики и полгонильщики с других токов. Растерянные, встревоженные, виновато подковыляя к крыльцу, выкладывали панчы лихие вести. Всюду творилось чорт знает что!

— Взабаламутились, чуть бочки не побили!

— А У меня из паровика воду вывели... а дуться стали...

— А мои просто легли и лежат: сам молотит!

— Мы, говорят, бастуем. Пока не удаворитесь, не станем на работу — и свини!

Панцы шагал по крыльцу, то снимая, то снова надевая пенсне. Дело принимало плохой оборот, хуже, чем он представлял себе поначалу. Шахло тут не случайными беспорядками: за всем этим чувствовалась чья-то единая, твердая, авторитарная рука. Все пока прекратил работу, все в одну точку бьет... Забавовка? Общая забавовка сезонников? После 1905 года такого еще не было в фальшивых-иных именинах.

А сунь, а тыщны копей недомолоченного хлеба степи! Как же бить? Подать его губернатору? Вызвать казакон? Но это тоже недешеве ободбавит! Газеты поднимут шум... Будешь распахивать не только овсом и смушками, а попахивать и своим либеральным реном!

Было над чем поломать голову. А тут еще, услыхав про водной бунт, явился к конторе, под руку с игуменьей, Софья Карлова, стала лезть не в свое дело, допытываться, не илдут ли забастовщики на Асканию.

Нинудя они не илдут! — перво ответил матери Вольдемар. — До этого еще далеко.

Барыня под своим жемчужным зонтиком облегченно вздохнула.

— У меня сейчас чаплинские сидят... поджав губу, начала она рассказывать сыну, но Вольдемар вдруг взвизнул, как ошпаренный:

— Их еще тут сейчас не хватало! Чего им надо, разбойникам?

— Погоди, Вольдемар, выслушай меня сначала. Это совсем не те, кто ты имеешь в виду. Приехал чаплинский священник с церковным старостой, и, по-моему, они хорошую вещь предлагают. У них там тоже неспокойно, голытьба становится нахальнее, грозит пойти на наши колоды...

— Что они предлагают? — нетерпеливо спросил панцы.

— У них возникла идея... закатила глаза под лоб Софья Карлова, — устроить совместный христианский ход по полям с иконой касперовской божьей матери. Они просят, чтобы наш чор мальчишек тоже принял участие. Ты как считаешь?

— Детская молвитва, — промолвила игуменья, неприязненно взглянув на еретики-панцы, — доходит до бога быстрее всего.

— Я не возражаю, — сказала матери Вольдемар, сдерживая раздражение. — Идти делайте, устраивайте!

— А об этом... о смуте в степи, ты, надеюсь, дал уже знать, кому следует?

— Маман, прошу вас не вмешиваться в эти дела! — раздраженно бросил панцы. — Идите, ради бога, мы сами тут как-нибудь разберемся!

Зонтик обижено подпрыгнул в воздухе и

Рисунок Г. Балашова



нетерпеливо поглядывал между приказчиками, которые расступались перед ним.

Появление каждого нового лица из степи действовало на панцы все болезненней. Ни один из них не породавал, приводил только неприятности, одну хуже другой. Подгонялку Гриненко, который последним пришло к нему без седла с дальнего табора «Кобчик», панцы не дал даже рта раскрыть.



Украинский писатель, лауреат Сталинской премии Ольга Гончар закончил роман «Таврия» — первый из задуманных им цикла романов о Нахичеване. Это произведение рассказывает о «водном бунте» батраков в Аскании-Нова летом 1914 года. Под руководством посланца партии бывшего моряка Вронникова стихийное выступление батраков превращается в организованную забастовку.

В романе показан рост самосознания молодых батраков.

— Кавалы, ты еще смеешься? — ошарашкило бедняку, хотя тот и не думал смеяться. — Тебе весело? Высчитай из его жалованья за бунт, за все простой молотилки на «Кобчик»!

И тут же накинуся на другик:

— А вы куда раньше смотрели? За что я вас кормлю, за что вам деньги плачу?

Переминувшись с ноги на ногу, изнывали на солнце холуй. И в степи ветром жмет, и тут, в Аскании, кипит пышет жаром... Всюду приказчики жарко. Пот градом катился с жалкого. Более храбрые пытались обороняться от насасков панцы:

— Кто же знал, что такое случится! Не первый же день такую пылот. Погаудит, бывало, погудит — и утихомирится.

— Может, оно и сейчас ничего б не случится, так сигнал же был дан!

— Какой сигнал? — сразу насторожился урядник в череске.

— Свистками они с тока на ток перебивались — это и дошло... Мы думали, что машинисты в шутку дерукаются, а они, оказывается, между собой разговор ведут на свистках, знаки подают один другому: бастуй, мол, бросай работу...

— Это еще что такое? — повзвизнул Вольдемар к управившему. — Сигнализация между токами? Кто вывел? Кто позволил?

— Впервые слышу, — задрбелась управляющий. — Для нас это сюрприз.

— Сюрприз! Для вас все сюрприз! А они, может, с черноморскими кораблями уже перебиваются! Кто первый услыхал, ну?

Замыслив приказчики.

— Как будто с гаркушинского тока началось... бридуку подгонялщик с хутора Сухого.

— Не слушайте его, панцы! — крикнул Гаркуша, наливаясь кровью. — По злобе он на меня!

— Да чего же ты, Савка, отпираться! — загудели другие приказчики. — С твоего тока ведь началось!

А им только подай: это Таврия обсыпает...

— А-а, так это ты? — выткнулся через перила Вольдемар к Гаркуше. — Занчивщик укрывашей! Ну, а же тебе... Ну, ты ж у меня...

Марш на ток негодил! Сам разводи теперь паровик, с объединяем молотить будешь!

— Панцы, — инд карта Гаркуша, — рад бы, но я воле паровика... не мастак.

— Не мастак? Ты только до кукари мастак?

Тогда цен бер! Цепом будешь с сукаркой всю ночь молотить!

— Ни жыны, ни шертмы столяй приказники. Разошлася паньця. Если уже своего любимчика не найдут, то их тоже не помилует. Гаркушу с цепом на всю ночь, а их, наверное, а каменные катки выпрявят...>

— А вы чего торчите? — оставил Гаркушу, накинувшись паньца на других. — Навертели там, а теперь к паньцу, пусть паньца расхлебывает? Что я, усмиритель? Что у меня, волюбо? Марш по табора! Всех на ночь! Что сейчас же тока стали табора!

Появились от крыльца приказники. Отсутствия немного, опье замесили в ирешетельном. «Хорошо тебе здесь кричать, пойдят там покривят...»>

— Как же всё-таки быть, паньца? Не послушатор мы улоем, а во машиности... Не похотят они нас.

— А время дорого... Сушь такая, что от малейшей востанут все вельшки.

— Кто там, Маурюкевич? — обратился Вольдемар через головы приказчиков к сухожающему шеголо в бриджах, который с взволнованным видом торопился прямо к крыльцу. Это был первый помощник главного управляющего.

— Остановилась водозапка, — замолклым голосом сообщил Маурюкевич. — Прекратила работу кирпичный завод, артель землекопос...

— А им-то что? — выкрикнул на высокой, пискливой ноте паньца. — На водозапке воды им не хванает?

— В знак солидарности с токовиками. Я только что из мастерских там цепый митинг Проводил себя!

— Приналово?

— Он, кажется, всему тут голова.

— Ишь, кто верховодит! — подскокнла Гаркуша, — где гнездо, а на кого валит!

— Ладно, я ему это припишю! — прошептал паньца и, пошептываясь с чечем-урядником, обратился к приказникам: — Разрешите выехать по табора, нечего нам тут время тратить. Скажете... гм... паньца обещал... Побламутила, мол, поучемля — и довольно... Машиностинам мода обломота награды. Девушкам — на платки...

— А вода? Из-за неё больше всего...

— Будет и вода. Вернутся из Каховки верблюдом — и верблюдом будем доставлять отсюда, с артезиан. Слыхали? Так и передайте!

Понурились, разнежались приказники от котюры. Уложающим провозжали их неуголимые мальчишки-хористы, прокатывая осмалля женщины из казарм. События в степи всколыхнули всё население. Асканийские казармы не переставали хлопотать в эти дни: забуринило всё кругом, и стар и мал заговорил о воляной забастовке в степи, горячо сочувствуя забастовщикам.

Гаркуша выбрался за околицу в скверном настроении.

Пусть бы терпел уж за своё кровное, а то за чье? За пашков! И до каких пор будет это тягаться, до каких пор бегать ему в казачках? Когда уж поедет он в Каховку набирать сезонников не для кого-нибудь, а для себя? Бунтарей с каждым годом становится всё немикш пашкой водой, чтобы наше болель, чтобы больше высчитывать за неработе дни... А разве в других таборах не так? Разве на Бекире и на Камешевом лучше? Что же это будет за приказник, если у него за лето никто не

заболел, с кем он тогда осенью останется, когда людям найдут срок и все разоудутся по домам? Разве тогда рабочие уже не нужны? Последнему-подгоняльнику известно, что кто летом с животом промаялся, тот на осень только и работник, потому что некуда ему отсюда податься. Надо только угадать, когда муш горючую пору у доброго приказника найдётся и свежая вода и свежая еда, никто не будет ваяться с животом, а как только легче стало немного с работой, так, смотри, и лаварет! Разве паньца этого не помилует? Дуралка на себя корчит, он, мол, добрый, он только милует, приказники всему виноват... А остался после Покрова без людей, — тебя же первого прогонит! Легко ему чужими руками жар загребать. Приказал ехать, всех поднимать на ноги... Попорубь их подить паньчинскими цапками-обманками! Не теж, кажется, дулом они дышат!

Всё свалилось Гаркуше, как снег на голову. Ещё вчера ничего не было заметно. Перетачили в темноте паровик с Куравного на другой степной ток, с утра начали было молотить на новом месте. А как привезли воду, — тут всё и пошлолось! Девушки хотели его самого влом напоить, а Бронников в это время стал сиветком прищипывать на какой-то особый манер...

Надо же было так случиться, что именно с Гаркушею, тока пошёл сигнал! Кто мог подумать, что как раз его машиняет у них главный сигнальщик? Пригнул змею за пашку...! Вроде и не гороховат, из-за мелочей с Гаркушею никогда не грязеёшь, а когда наступил момент, — показал себя. Недаром он часто бывал на водозапке у того механика. Бронникового надо шее свернуть! Не раскуси Гаркуша его во-время, зато и поалою ему сегодня. Что ж, не дремля, приказник, не лояи ворит!

Как побитый, трусил приказник в седле, озираясь вокруг. Не шылит тока. Никакого дажежия в степи. Сами себе сезонники устроили праздник!

Чувства стоят с бурдюками у пустого колодца, усталыми зачем-то на Асканию. Что они там увидели?

Гаркуша оглянулся и похолодел: развёрнутое красное полотнище полыхало над асканийскими парками, на самом верхе водонорной башни. Кто мог туда добраться? Не иначе как те же мальчишки-хористы! Направит есть кому, а им только синисты, аскарбаются хоть на небо!

— И вы, Манушлю, заглядывайте выше! — укоризненно бросил Гаркуша, трусы мимо колодца и узнав среди других чаплинского старшего чабана. — Не стыдно вам на старости лет...

— Какой я старик! — браво ответил чабан. — Глаз ещё далеко достаёт!

— Диво нашли!

— Да так что давненько и не видели такого: после девяносто пшото, считай, это первый раз...

— Радуйтесь!

Чабан вместо ответа приложил руку котюрку ко рту, стоя лицом к радостному стьрку, падмешемому под солпцем за сухими даялиям, над башней, самой высокой в степи.

...А на гаркушином току в это время былишлеа необычайная сколда. Сюда направляли посланных из других таборах, чтобы сообща выработать требования бастующих к главной

котюре. Это был настоящий праздник сезонного люда, который вдруг почувствовал себя хозяином положения.

То, что сезонники наперекор панским подпевалям впервые открыто и свободно собрались на свою горячую степную сколду, — это просто замечательно и ругаются с приказниками возле бочка, а чёрным по белому на бумаге написали: «Свежей водою зволю, и никаких водяных пайков!» — уже одно это поднимало людей в собственных глазах и придавало их борьбе новую окраску. Воистинное, редкое, но-грозное настроение охватило сколду. Опущенности собственной силы некоторых почти вынило, а то, что посланцев от других таборах, обшарпанных, босых, с тычками-матросскими флажками на верёвочках, матрос величал «делегатами», только усиливало торжественность момента. Не забытой, безвольной массой а людьми, которые сами могут решить свой дела, стояли они на току, внимательно слушаа оратора.

Выступал Бронников.

— Наше братство приближается к концу! — говорил матрос, стоя на высокой куче зерна. Незачем машины ломать: не от них беда идёт. Вынавайте там! — протянул Бронников руку в направлении главного имения. — Они, кроулипы, превратили эту степь в каторгу для тысяч и тысяч сезонников! Они не считают нас за что колесо в пшенице. У нас, уважаемые делегаты, уже ждуть люди на тока. Идите, передайте им, что мы не одиноки, что нас поддерживают рабочие асканийской водозапки, мастеровских, кирпичного завода... Итак, если мы будем действовать организованно, дашим провалом! Если же мы обязательно выиграем забастовку! Здесь сегодня звучали некоторые не в меру горячие голоса, что хорошо было бы, дескать, пустить по токтам красного пшета. От имени стачечного комитета я хочу предупредить от этого: слепой бунт может только погубить нашему созыательному делу.

— Верно! — крикнул из толпы Мокен, который тоже был в числе делегатов. После Каховки борода у него ещё больше отросла, лицо сделалось бровным. — Хлеб не выношат!

— Да, ни хлеб, ни паровики не выношат. Незачем машины ломать: не от них беда идёт. Вынавайте там! — протянул Бронников руку в направлении главного имения. — Они, кроулипы, превратили эту степь в каторгу для тысяч и тысяч сезонников! Они не считают нас за что колесо в пшенице. У нас, уважаемые делегаты, уже ждуть люди на тока. Идите, передайте им, что мы не одиноки, что нас поддерживают рабочие асканийской водозапки, мастеровских, кирпичного завода... Итак, если мы будем действовать организованно, дашим провалом! Если же мы обязательно выиграем забастовку! Здесь сегодня звучали некоторые не в меру горячие голоса, что хорошо было бы, дескать, пустить по токтам красного пшета. От имени стачечного комитета я хочу предупредить от этого: слепой бунт может только погубить нашему созыательному делу.

— Верно! — крикнул из толпы Мокен, который тоже был в числе делегатов. После Каховки борода у него ещё больше отросла, лицо сделалось бровным. — Хлеб не выношат!

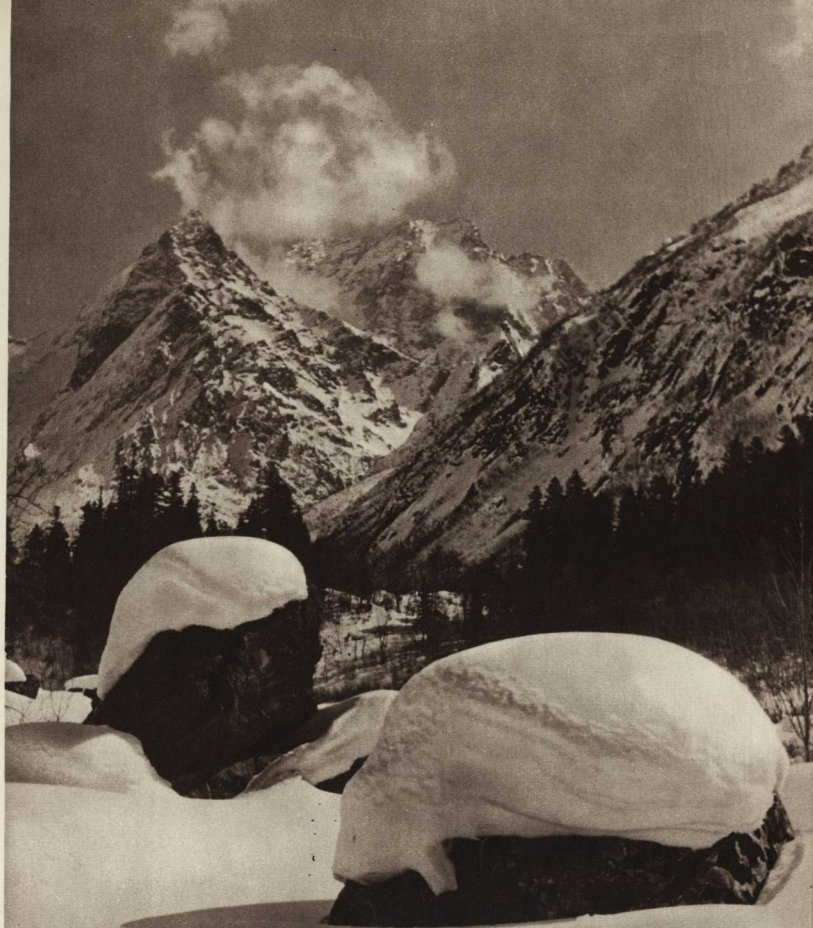
— Да, ни хлеб, ни паровики не выношат. Незачем машины ломать: не от них беда идёт. Вынавайте там! — протянул Бронников руку в направлении главного имения. — Они, кроулипы, превратили эту степь в каторгу для тысяч и тысяч сезонников! Они не считают нас за что колесо в пшенице. У нас, уважаемые делегаты, уже ждуть люди на тока. Идите, передайте им, что мы не одиноки, что нас поддерживают рабочие асканийской водозапки, мастеровских, кирпичного завода... Итак, если мы будем действовать организованно, дашим провалом! Если же мы обязательно выиграем забастовку! Здесь сегодня звучали некоторые не в меру горячие голоса, что хорошо было бы, дескать, пустить по токтам красного пшета. От имени стачечного комитета я хочу предупредить от этого: слепой бунт может только погубить нашему созыательному делу.

— Верно! — крикнул из толпы Мокен, который тоже был в числе делегатов. После Каховки борода у него ещё больше отросла, лицо сделалось бровным. — Хлеб не выношат!

— Да, ни хлеб, ни паровики не выношат. Незачем машины ломать: не от них беда идёт. Вынавайте там! — протянул Бронников руку в направлении главного имения. — Они, кроулипы, превратили эту степь в каторгу для тысяч и тысяч сезонников! Они не считают нас за что колесо в пшенице. У нас, уважаемые делегаты, уже ждуть люди на тока. Идите, передайте им, что мы не одиноки, что нас поддерживают рабочие асканийской водозапки, мастеровских, кирпичного завода... Итак, если мы будем действовать организованно, дашим провалом! Если же мы обязательно выиграем забастовку! Здесь сегодня звучали некоторые не в меру горячие голоса, что хорошо было бы, дескать, пустить по токтам красного пшета. От имени стачечного комитета я хочу предупредить от этого: слепой бунт может только погубить нашему созыательному делу.



Авторизованный перевод с украинского Льва ШАПИРО



Альпинисты

Судьбою вместе связаны одной,
С тобой мы поднимались на вершину.
Свержившие горы и небо встали,
Стояли горы грозною грядой.

Я поднимался по уступам скал,
Ты от падения меня хранила,
Потом тебе взойти я помогал,
Одна мечта вела нас и роднила.

Так и любовь мы стали понимать,
Связав навеки две жизни воедино:
Любить друг друга — значит помогать
Друг другу подниматься на вершину.

П. БОГДАНОВ

В горах Кавказа.
Фотоэтиюд В. Руйновича



Некрасов в период «последних песен».

И. Н. Крамской.

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Н. А. НЕКРАСОВА

Великий русский поэт Николай Алексеевич Некрасов является одним из самых близких советской эпохе поэтов прошлого. Содержание своих произведений, революционной направленности, патриотизмом, беззаветной верой в величие Родины Некрасов неразрывно связан с нашей современностью.

Выражая сокровенные думы народа, Некрасов в своём творчестве ставил извечный вопрос: «А где же ты, тайна дольства народового?», «Кому на Русь жить хорошо». Поэт пытался надежду увидеть свою Родину «свободной, гордой и счастливой».

Все свои мысли, все свои великие творения Некрасов посвящал борьбе за народное освобождение: «О Русь, когда ж проснёшься ты?» Обращаясь к бурлаку, поэт вопрошал: «Чем хуже был бы твой удач, когда б ты мелее терпел?»

На все эти вопросы ответила Великая Октябрьская социалистическая революция, наша эпоха строительства коммунистического общества, превозшедшая мечты лучших людей прошлого.

Наша прекрасная действительность является воплощением горючих патристических устремлений Некрасова. Несокрушимая мощь необитаемого Советского Союза, все народы которого охвачены лафоом созидательного труда на благо любимой Родины, осуществление величественного плана преобразования природы и грандиозных строек коммунизма, расцвет зажиточной и культурной жизни в колхозной деревне — это и есть черты той обильной и всеняльной матушки-Руси, о которой страстно мечтал Некрасов.

Литературно-общественная деятельность Некрасова продолжалась около 40 лет, была весьма разносторонней. Некрасов — редактор передовых журналов XIX века в России, «Современника» (1847—1866 годы) и «Отчужденных записок» (1868—1877 годы), блестящий литературный критик, видный прозаик и гениальный поэт, достойный премии Пушкина и Лермонтова.

Родился Николай Алексеевич Некрасов в 1821 году на Украине, в одном из местечек Винницкого уезда, Каменец-Подольской губернии. Когда мальчику было около 3 лет, его отец, армейский офицер, вышел в отставку и переехал с семьёй в своё родовое имение Грешнево, Ярославской губернии. Грешнево расположено на Волге, невдалеке от Ярославля.

На всю жизнь сохраняя Некрасов очарование волжской природы, её просторы, её аулы, её лесов. В русской литературе нет более ярких поэтических страниц о Волге, чем в творчестве Некрасова.

В полном противоречии с этими картинами изумительной русской природы находилась жизнь крепостного крестьянства, которую с детства знал Некрасов.

В раннем возрасте он познакомился на Волге с тяжёлой жизнью бурлаков. Эти обездоленные люди, тянувшие бечевы вверх по реке баржи с грузом, вызвали в мальчине глубокое чувство сострадания.

Впечатления от сумрачных, сумрачных бурлаков были столь яркими, их страдания будущий поэт был так «испуган, оглушён», что не раз потом вспоминал об этом с большим волнением.

Стены бурлаков и их вид, «выражающий укор», вызвали в мальчине первые признаки протеста против порабощения народа.

Поэтическое дарование Некрасова развивалось под могучим воздействием В. Г. Белинского. Великий критик передвигался на основе ранних, немногих известных ему произведений поэта, что Некрасов — «поэт истинный, а что он «будет иметь значение в литературе».

В. И. Ленин указывал, что Белинский в зна-

менитом письме к Гоголю в 1847 году отражал «настроение крепостных крестьян». Творчество Некрасова, единомышленника Белинского, в 40-е годы тоже отражало настроение крепостных крестьян.

Поэзия Некрасова 40-х годов — замечательный период его творчества. Именно в эти годы он начинает складываться как революционно-демократический поэт.

Никто из поэтов до Некрасова не спускался так глубоко в «низкую» жизненную прозу, чтобы черпать в ней вдохновение. Поэзия Некрасова всецело соответствовала требованию Белинского к писателю: быть «гражданином, сломом своего общества и своей эпохи».

Никто до Некрасова не поднимал «низкую» прозу жизни на такие вершины поэзии, не был так близок к подлинно демократической точке зрения на социальную действительность. Некрасов имел право сказать, что в его стихе «книжка — живая проза».

Всю жизнь Некрасов владела одна великая идея — идея народного освобождения. Его стихи, «светилы живые за мир пролитых слез», были прелюдией «музыки + любви». Юный Некрасов увидел в Петербурге чудовищную зависимость необеспеченного человека от обладателя собственности.

Некрасов показывал безжалостное положение городского люда, с одной стороны, а с другой, — рисовал ростовщиков, эксплуататоров, чиновников-бюрократов. В период 40—50-х годов приобрёл широкую известность его стихотворения: «Современная ода», «Кольбельная песня», «Секрет», «Нравственный человек», «Филантроп» и др.

В этих стихотворениях Некрасов разоблачал антинародную сущность буржуазии, крупнейшего эксплуататора строя. Ещё до Салтыкова-Шчурина поэт высветил лам саатрику, обнажившую античеловеческие отношения, господствовавшие в эксплуататорском обществе той поры.

О роли сатиры Некрасов писал:

Сатира действует и шире и смелей,
Как пуля, находить виновного умея.

Сатирик Некрасов был в течение почти всей своей поэтической деятельности, начиная с такого произведения, как «Ростовщик» (1844 год), и кончая «Современниками» (1875 год) и «Кому на Русь жить хорошо» (1863—1877 годы).

По определению В. И. Ленина, Некрасов учил «русское общество различать под прилаженной и неполаженной внешностью различия крестника-помещика его истинные интересы...», учил «ненавидеть лицемерие и бездумие подобных типов...»

Во второй половине 50-х годов творчество Некрасова достигло своего наивысшего расцвета. В России усиливается крестьянское движение, а в 1859—1861 годах складывается революционная ситуация.

Некрасов — соратник и единомышленник подлинных революционеров той эпохи: бесстрашный борщик Чернышевского, украинского поэта Шевченко и виднейшего идеолога крестьянской демократии Добролюбова. Он воспевае их как тех настоящих деятелей истории, которые достойны высокого уважения.

Великий демократ Чернышевский запечатлён в поэзии Некрасова как «спорок» революции, находящийся невозможным «служить добру, не жертвуя собой».

В стихотворении «На смерть Шевченко» Некрасов рассказывает о жизни великого поэта угнетённого украинского крестьянства, называя его «самым замечательным», замученным царским правительством:

Вот он нападёт: торазу петербургскую,
Справит, допроса, наизвола любовности,
Вот — и радужною стезей Оренбургскую,
И её крепость...

Добролюбоу Некрасов посвятил два стихотворения: «Двадцать ноября» и «Памяти Добролюбова».

Поэзия Некрасова, отражающая кровные, насущные интересы народа, имела исключительную популярность в демократических кругах русского общества. Некрасовские стихи раскупались нарасхват, закипали сердца молодёжи горючей любовью к народу и одновременно ненавистью к его поработителям.

Некрасов в эпоху 60—70-х годов был наряду с Чернышевским и Добролюбовым властителем дум молодёжи. Его стихи из «Размышлениях о парадном подъяде» стали петь в народе; его «Песня Ерёмушка» приобрела исключительную популярность, она учила революционному молодёжь 60-х годов:

Жизни волямам впечатанному
Волгу высокую отдай,
Человеческим стремлениям
В ней прорусься не мнящий.

С нами ты родишь природою —
Вольные их, сокровиш
Вместом: Равнолетом, Свободою
Называются они.

Некрасов выражал революционную идеологию угнетённого крестьянства, которая в блоком, как никто из русских поэтов XIX века. Изображая страдания эксплуататорского крестьянства, он на каждом шагу звал к неустойчивой борьбе против крепостнического строя, возбуждал противники «необузданную, дикую к лютой волестью вражду». «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть», — писал Некрасов.

Наиболее полное изображение крестьянской жизни даёт Некрасовым в поэме «Кому на Русь жить хорошо». Эта поэма — плод многолетней работы Некрасова.

Революционером, буревестником крестьянского движения, Некрасов всю жизнь грезил картиной народного восстания. Поэзия Некрасова всегда служила живым источником вдохновения и призывом к борьбе. Она и обращалась к народу и воспевала народ.

Некрасов жил в эпоху, когда ещё в России не было массового рабочего движения. Он не знал исторической роли пролетариата и все надежды возлагал на самый многочисленный и угнетённый класс — крестьянство.

Крестьянин в творчестве Некрасова являлся центральной фигурой. Он герой, судья, допрашивающий: «Кому живётся весело, выгодно на Руси?» Впервые в русской литературе крестьянин был возведён на такую высоту, впервые с такой реалистической силой все стороны жизни были описаны с точки зрения крестьянства.

Некрасов рисовал увлекательные перспективы счастливого будущего своей Родины. Типична в этом отношении некрасовская поэма «Дедушка». Рассказывая о чудесных картинах жизни в Таргабите, где люди выгодно живут, так как «солно да зима на дачи», поэт при помощи прямого сопоставления говорит об ужасах окружающего:

Ну... а покуда подымай,
То ты ли видншь кругом:
Вот он, наш бахарь утробный,
С тымамы, убитым лицом:
Паша, ласомый, шапочкою...

Некрасов предвещает наступление иных времён. В ту далёкую пору, когда «над великою русской рекой» стоял «стол бесконечный», поэт смело рисовал «сине картины».

Некрасов, как передовой человек своего времени, скорбел о том, что творческие силы русского народа подавлены, забыты, но он не сомневался, что крестьянские ступоры лежат — до поры, до поры — над временем и восстанет народ. Революционное мировоззрение адвокатов Некрасова на создание гениальной песни «Русь», которая останется в веках как замечательное произведение о неисчерпаемых силах великого русского народа:

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Испра сожарата,
Встали — небуны,
Вышли — непрошены,
Дитя по африаншу
Торж накованый!
Рать подымается
Непочисляма!
Сила в ней сканется
Несокрушима!
Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и вольная,
Матушка-Русь!

Недаром наши великие вожди Ленин и Сталин обращались к этим строкам Некрасова. В. И. Ленин в марте 1918 года писал, что надо добиться то, что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бесцельной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой... У нас есть материал и в природе богатства, и в запасе человеческих сил, и в прекусном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Товарищ Сталин в своей речи о задачах хозяйственников в колхозах Некрасовские слова, обещая говорить о старой России, об её отсталости.

Некрасов был истинным русским патриотом, преисполненным любви к своей Родине, делевшим мечту увидеть её свободной от всякого насилия и угнетения. Поэт верил в её вольное будущее, когда обстоятельства позволят:

...русской груди
Вдохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди.
Что есть грядущее у ней...

М. И. Калинин указывал на большую роль поэзии Некрасова в развитии политической мысли русского общества и революционной мысли.

«Сильнейший толчок развитию и углублению революционной морали, охватившей уже более значительные массы тогдашнего общества, дали Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов. Они будили человеческую совесть, заставляли людей задумываться над жизнью, над тем, что можно сделать в ней полезного...»

«Некрасов своим произведением в каждом честном человеке возбуждал ненависть к рабовладельцам, любовь к народу, призывал к борьбе:

«Иди в огонь за честь отчизны.
За убеждение, за любовь...»
Иди в огонь и любовь возжигай.
Умирь не даром... Дело прощай.
Кто под ним ни струится кровью...

Его крик души — «позом можешь ты не быть, но гражданским бредом обязан» — невольно будил в широких кругах русского общества лучшие гражданские чувства, сознание моральной ответственности перед страной, перефразировав свои мысли:

Поэт мечтал:

Эх, зди придедт ли времечко,
Когда придет желанное!
Дадут понять крестьянину,
Что роль портрет портретнику,
Что книга книга рознь,
Кому из музиков Блоха
И не милорада Гупно,
Великого и Гоголя
С бавара поменст?

Смысла зветная мечта Некрасова: на его Родине «ступила сестра марк упрямый, и несия его громко раздаются над просторами любима рек твоих окая Волгой, над Окой, над Камой, над всей нашей несобойтай страной.



В связи с Конгрессом народов за защиту мира английские борцы против войны провели недавно на Британских островах «эстафету мира». На Стамбуле её участницами эстафеты, молодые сторонники мира Энн Кларкхи и Рон Дэвисон; в руке у Энн Кларкхи «мечел мира».

Спросите любую английскую девушку или юношу, чего они ждут от нового, 1953 года, и вы получите ответ: «Преграждения пропаганды войны, сокращения вооружения и возвращения янки вавоски».

Разуданное поведение американцев в Англии вызывает всё большее возмущение трудящихся, особенно молодежи, вступающей в шеренги борцов за мир. Окулянты стремятся задуть голос протеста. Они применяют насилие даже над не в чьём не повинными людьми. Вот что недавно случилось с одним фермером, Коббом.

Кобб аррестовал несколько акров земли. Как всегда, к вечеру Кобб покормил поросятину и шёл по полю домой. Из гущи злаков к нему накрадучу поднялся два человека в военной форме. Его это не удивило. Он знал, что всего в километре от фермы расположена американская военная база.

«Нехорошее это дело — топтаться по чужому полю», — сказал Кобб, порывавшись с солдатами.

В ответ американцы скомандовали: «Руки вверх!»

Янки привели Кобба к сараю, поставили его лицом к стене, обыскали, потом отвели в другой сарай. Подошёл третий солдат. Оставив его старей Кобба, первые двое, уходя, сказали:

— Если кто-либо здесь повиснет, расстрелять. Если кто будет пытаться бежать, расстрелять.

Через несколько часов Кобба отвели на американскую базу, к офицеру. Офицер осолободил его. Он сказал:

— Мои солдаты были на манёврах, на розыске шпiona. Они несколько перешли границы. Можешь отправляться домой.

Сегодня трудно найти место в Англии, где бы американцы не перешли границы. Пожалуй, нет такого преступления, которого бы они не совершили на Британских островах. Английский суд не имеет права судить американских солдат, британское правительство лишено права просить о наказании американцев (ветхие законы Англии писаны не для янки).

Окупационная армия в настоящее время насчитывает более 50 тысяч человек. Английская молодежь возмущена вторжением оккупантов, их княчиливостью, распущенностью, варварством. С их прибытием, угроза войны усугубляется с каждым днём. Поэтому призыв «Янки, убираться вон!» стал лозунгом борьбы за мир. И, несмотря на то, что за эти

АНГЛИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ БОРЕТСЯ

слова бросают в тюрьмы, этот призыв всё чаще и требовательнее повторяют молодые патристы.

Американцы привезли в Англию не только миллионные тиржики книжек-картинок «юкмикс», которые воспевают грубость, жестокость, расизм. Они привезли психологию поджигателей войны. Всё, чем заняты оккупанты в Англии, направлено на подготовку войны. Миссионеры агрессии, как их часто называют англичане, стараются завоевать в свои ряды всё новые силы из числа молодежи, и это при помощи английского правительства им удаётся.

Каждую неделю группы английских солдат по 30—40 человек отправляются по указке американцев на разные военные базы. Они приьывают, например, в Бартоунде, где после осмотра лётных дорожек для атомных бомбардировщиков их направляют слушать лекции об «американском образе жизни». В лекционном зале висит огромная карта мира. Советский Союз, страны народной демократии и Китай представлены на ней несоразмерно увеличенными, будто бы озабоченными другими странами. На этих картах обычно кругами отмечены расстояния от американских авиационных баз до советских городов. Авиационный полк, расположенный в Бартоунде, написал на своих самолетах девиз:

«Бомбим всё, всегда и везде».

В Восточной Англии с авиационной базы в Лэнкэнте, где расквартировано 10 тысяч американских войск, часто без всякого предупреждения на головы местного населения опускается дымовая завеса. В эти часы кругом замирает жизнь, движение на дорогах и железнодорожных путях прекращается. Зато американцы чувствуют себя, как дома, они проводят военные учения.

Стремление молодежи вернуть своей стране честь и независимость является одновременно стремлением защитить мир.

Растёт требование молодежи прекратить в 1953 году жестокую войну в Корее и Малайе. Юноши и девушки Англии записываются в ряды борцов против беззакония английских военных властей в Египте и преступных действий и репрессий в Восточной Африке.

В 18 лет английский юноша призывается на военную службу. Молодежь записывается в регулярную армию на корейской и малайзийской фронты. Английская авиация всеми силами пытается оставить молодежь на сверхкороткую службу. Если же солдаты не желают

оставить, мы заявляют: «На оставшихся — мы вас отправим в Бовые части на Дальний Восток». Мне известны случаи, когда Бовые соединения английской армии узнавали о своих назначениях в Корею и Малаю лишь в океане.

Военная история и империалистическая пропаганда разрабатывали известную часть английского общества. Всем миру теперь известен образ английского солдата карательной армии, издающего даже над мёртвыми телами патриотов Малайи. Нам известны эти зверства потому, что рядом с варварами растёт семья прогрессивных борцов, они рассказывают о поведении угнетателей и мобилизуют силы народа на борьбу за предотвращение мировой войны. Коммунистическая молодёжь, всегда стоявшая в первых рядах борцов за мир, вопреки всем преградам разоблачает в прогрессивной печати самые загнанные планы поджигателей войны.

Мы знаем, что английские солдаты, которые вернулись из Кореи и Малайи, потребовали демобилизации и добились её. Многие

В Англии задерживается строительство школ. За последние годы на выстроено ни одной политехники. Закрываются кинематографы. Пустуют стадионы и спортивные площадки. Появились железнодорожные и паровозные тарифы.

«Вооружившись — надолго звучит это слово в оправдание всех нечестий».

Молодёжь встречает 1953 год полной жаждой защищать свои права. Прошедший год она ознаменовала широким движением в Шотландии. Рабочие в Глазго приняли участие в забастовке, которая распространилась на всю страну. Молодёжь выступала с требованиями повысить оплату труда и улучшить условия учёбы на производстве. Она проявила активное участие в демонстрации против посещения американским генералом Риджуэем Лондона и Оксфорда. Двое юношей были брошены в тюрьму. Об их подвиге узнала вся страна, об их борьбе написаны стихи и песни. За их освобождение борется прогрессивная молодёжь Англии.

Молодёжный фестиваль в Шеффилде прошлой весной прошёл под знаком дружбы и

КНУТ И ПЛЕТЬ

Какой был шум на чёрном рынке,
Какой был бум, какой был раж,
Когда пришла пора ДУБИНКЕ
Оставить лют, уйти в тыраж!

Сопляксы деальцы, совралы штаты.
Расширена агентств сеть.
И выдвинуты кандидаты —
Два кандидата:

КНУТ и ПЛЕТЬ.

Пусть избиратель твердо знает:
Его свободу свято чтут.
Пусть избиратель избирает,
Кого он хочет:

ПЛЕТЬ или КНУТ.

Всё предусмотрено заранее.
Должно решить голосование:
Кнут или плеть

он будет впрядь
Над головой своей иметь.

В волнение биржа, банки, боссам.
На рынке злобствуют, орут.
Грязь, провокации, доносам...
КНУТ или ПЛЕТЬ?

ПЛЕТЬ или КНУТ?

А, в сущности, не всё равно им,
Как там распределится лям,
Как на войну народ потом
Погонят: плетью или кнутом?

Ведь всё равно в одних руках
ДУБИНКА в роговых очках,
ПЛЕТЬ в чёрных брюках и во фраке
И КНУТ в мушкетере цвета хаки.

Рисунок Г. Вальца



Полицейская расправа с демонстрантами в лондонском аэропорту.

из них стали известными борцами за мир. Джордж Оуэн, например, выступая против поджигателей войны, собрал 30 тысяч подписей под воззванием за Пакт Мира. Рядом с его именем появились и другие имена активных участников движения, бывших военнослужащих в Индии и Африке.

Призывая народ к борьбе за мир, бывшие солдаты колониальных армий пишут и говорят:

«Мы ужасали из Египта. На каждой железнодорожной станции маленькие дети бросали в нас камнями. Потребуется сотни стражи для того, чтобы правдиво описать выражение глаз и лиц женщин и девушек, мимо которых мы проходили. Для своей природы мы перестали быть англичанами, везде мы лишь солдаты империализма и войны».

Английская молодёжь жаждет мира. Эта жажда растёт на почве горького опыта страны, правительство которой разрушает экономику несообразными тратами средств на вооружение. Во всех случаях: засечет ли молодёжь поселиться в новом доме, пойти учиться, интересно провести отдых, повысить квалификацию, заняться спортом, — перед всеми в 1953 году встанет препятствие — программа вооружения. Рабочий попросит прибавки к ничтожной своей заработной плате — ему будет отказано: «Всё идёт на вооружение». Требования женщин, которые борются за равную оплату труда с мужчинами, отвергаются словами: «Подождите, кончатся волна срочного вооружения, обсудим ваши требования».

единства в борьбе за мир, несмотря на препятствия, чинимые властями».

Международный фестиваль в Берлине дал свои плоды. После него молодёжь Англии стала решительнее добиваться своих прав. Борьба растёт, растут и надежды. Советская молодёжь должна знать о том, как много она помогает этому росту в «моей стране».

«Ты не представляешь себе, — пишет мне Уильям К. из Лондона, — как помогла мне в работе поездка в Советский Союз. Как много отчаявшихся голов, с которыми мне приходится иметь дело, окрыляются надеждой от одних только рассказов о делах и жизни Советского Союза! Ты знаешь, что из расклевочников я не могу считаться лучшим, но с тех пор как я побывал на Красной площади, на заводах и фабриках Советского Союза, число слушателей моих выступлений неизмеримо выросло. Я отчетливо вижу, что сидит в правительственных зданиях центра Лондона, и ясно представляю себе козлы, которые готовят парламент против меня и моих соседей-тожарей. Теперь я хорошо знаю, что никто не отнимет у меня умения добиваться такой жизни, как в Советском Союзе, где народ стал полноправным хозяином страны, а работа правительства, министерств и всех властей направлена на общее благо».

Этими простыми словами молодёжь Англии выражает свои желания бороться за свои права. Она ежедневно обращает свои взоры к Советскому Союзу, видя в нём пример, вдохновение и поддержку.



Очень странные люди в городе

Рыжый Гарри (эту личинку он получил от своих лотку за красно-рыжую шелелу) спрыгнул с пофронина, закинул карманный фонарь и огляделся.

— Уд-и проанисис он.
В пареде с профессионально-гангстерского на человекостой это мекондметие ознамачивает.
— Арич-Лошадина губа — поддед. Разрисовал мне такую нарпунку: драгнотности, сая, аличности. А здесь стол да стул — вот и вся мезь! Не сичит тв телефонное иди кандидат в сенаторы мистер Вангутер Нет, Арич дорого обойдётся этот розмриши! Так провсти мени!

Рыжый Гарри, несмотря на то, что в своей узко профессиональной среде считался человеком разговорным, обожавшим численными выразениями для выражения самых позангнисис эмоций. Разговаривая он выслушивал только в минуты сильных душевных потрясений. Что подвизывал, танова мода, и ни один гангстер не согласился бы называться «старовидным дилитамилем». Тем более, что — если верить слухам — первый перешел на «мекондметие» дилитамилем. Кто же после этого бросит камень в Гарри, его притомки Гарри недаром считали человеком удачливым и аригнатурным кандидатом мистера Вангутера не подавала никаких надежд, тем же мени Гарри решил её истисать с восторженно тщательностью.

— Это означало он.
«Гардо же должны храниться остатки избирательной фонды! Остатки причуд доллары в ящика стола, бывали случаи, когда давали у кандидатом валялись прямо на полу». Нет, надо обязательно как следуют, тем более, что время есть: мистер кандидат выступает на очередном митинге...»

Когда близился к концу осмотр пофронендешней личинки, дверь распахнулась, завоёвывая свет, и чей-то ладонь толкнула Гарри.

— У мени, ознамачивает, сегодня гости! Очень рад!

Гарри вынырнул из ящика, оглянулся и поднял руку: зрачок пистолетного дала всегда вылезал у него под подбородком.

— Га! — пробормотал Гарри, рассматривая микропозонного и микропозонного хозяина личинки. О сразу узнал милого раз виденного на портретах мистера Вангутера, кандидата в сенаторы.

— Мой милейший друг! — ласково прошептал мистер Вангутер — прошу вас стать лотку к стене... руку не опускать! Если хотите, попорочите прощун, как не известует, мне бы не хотелось поднимать стрельбу в столь поздний час! Рыжый Гарри Удовлетворил просьбу хозяина номыры.

— Глумясь ста старейший гангстер сказал мистер Вангутер — Просто поразительно, как время мениет требования к кандидату такой роли, как вы, допотопный сар, не смог бы застрелить себе даме на попытку пистолета.

Лошадина губе осталось максимум три дня земного существования...
— Что и... — сказал мистер Вангутер всё тем же злым тоном — вызовом полиции и репортёров. «Попытка ограбления кандидата» и так далее... Газеты будут докладывать.

Неожиданно зазвонил телефон. Гарри и не пошевельнулся даже он знал, что пистолет попрежнему внимательно следит за кандидата его движением.
— Вангутер слушает! Привет, Дионид! Да, мени предугадан, что митинг переносится на завтра. Я тебе подожму? Почему? О, действительно забыли... А что, непременно Сейчас Хорошо, я продиктую... Точно, через несколько минут... Я занят. Нет, никаких женщин. Меня грабли. Да, нет, безо всяких шуток. Да, и сейчас носом к стене, всё как полагается. Позови мие через несколько минут... Но ты Уверен, что я не успею отвезти его в полицию? Ну ладно, ладно.

Вангутер полонил трубку.
— Вам везёт, достопочтенный сар... — сказал он. Кандидат срочно требует мою автобиографию: типогрфия жидт текст. Так что вы ведь вы, сар, надеюсь, не особенно торопитесь в полицию, а? Так что буду дитновать по телефону, а вы... С вами надо что-то придумать.

Кандидат в сенаторы подошёл и Рыжову Гарри. Дило пистолета заперлось, в синюю ким раз строгия Венгута Гарри пришлось обманывать карманный гангстера. Переключил пистолет Гарри в свой карман.

— Ого! Наручники! — восторженно воскликнул мистер Вангутер. — Для чего же вам наручники, сар? Только самый последний идит выведет на работу без пистолета. — Браслеток — сказал Гарри.

— Деньги для полиции, пистолет

для линдаци подвига, а браслеток — это...
— А вам просто великий нуаид! — сказал мистер Вангутер с улыбкой сто тысяч, гарантин на будущее: ведь я буду сенатором, вы как пробавитесь? Все должны чувствовать это...
— Бросьте мени уговаривать! — кричал Гарри. — Пусть Могут прибыть ваши друзья!

В этот момент зазвонил телефон.
— Вы можете осмотреть мою квартиру? — сказал Вангутер. — Он сидит трубу.

— Ступайте! — подалул Гарри. — Выстрел услышат. Буду стоять рядом и следить за ним. Если он коти мизавою о стол и лисово.
— Да, Дионид! Готов! Вандиф? О, он уме дават в полицию! Итан, мисно динат! Все чирити, вы проствинши сам, я лизову основные факты... Родился я в простой семье. Отец — фермер. Я любил наши родные горы, слушал сиязие водопада, любил гулять в парке. Лучшим развлечением для меня было обжирание карманных животных. Я любил читать и слыстная. Предпочитал кометы фирмы «Кангит и К» вместо журналов. Мне очень нравились люди, я первое время тосковал по горам, по рекам, по полям и по лесам. Но когда я учаване ро митинг большого города, я полюбил город. Я начал читать, стал делат деньги... Ведь в конце концов все эти нитачют, верно, не так мизавою о стол и лисово.

«Да, зменосис умеют владеть собой» — дувал Гарри, сиямал трубку. — Не могу читать пистолет по телефону... Но что же мне делат? Он же будет глумит уар в подбородок озонания Гарри. Падал, он удерживался от стола и лисово.

Сиюншис, он почувствовал сиязие водопада, любил гулять в парке. Истомна на нём не было. Он лежал в одних труках возле двери, над ним висели пистолет и лисовую трубку, боитялись пустые браслет наручников.

— Ага, — сказал мистер Вангутер. — Мой мальчик просылается! — Гарри не успел ответить, как так весельсился! Сейчас ты, глупый гангстер, побдишь через весь город, пока не найдешь кандидата, чтобы улолотать! Эффектно, не правда ли? У мени я видел Рыжого Гарри, мени Вангута, мени Кавалисис, что победил зменосис!

Мистер Вангутер сиял пидикан, сиял пидикан, сиял пидикан. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом.

Зелёный нимкал торчал в середине зяблого креста, а вокруг лизана обилася красная змея с чёрной полумаской.
— Узнавши! Или ты из тех мляденцев, которые никогда не видели знака «Креста и змея»?

Тусклые глаза Рыжово Гарри затрещали в этот момент, вылезла Самаго таинственного и самого вошного гангстерского и кандидата мезаноме поимана этой татуировки человека узнавали, а полуглазый злит знал, что восторженно путём зезупучной и многолетней деятельности, причём гангстер, приключивший в этот лисовый обман быть мастером на все руки, так сиязие гангстерство-универсалом, может сейфу до восторженно гласна одна из заповедей зменосивца.

Волет это дал — восторженно пробормотал Рыжый Гарри. — Вы... Вы...
— Кандидат Вангутер слустил рукависте и наддел пидикан. Застегнул пуговицу, кандидат в сенаторы облизнул губы, стоя возле стола с пистолетом в руке, а на днерной ручке боитялись пустые браслеток.

— Красной! — сказал мистер Вангутер. — Значит, вы нарочно носили фальшивые браслетки в кармане: асье, кто-индуд нарывает! — дувал Гарри. — Пидикан, сиял пидикан! Но, индуд, сиял пидикан! Кто вы можете мени сказать, достопочтенный сар? — А вы не можете ли вы гордиться тем, что сумел одержать победу над одним из зменосивцев! — сказал Гарри. — Выстрел в мени! — гласна Гарри сам выталзил из кармана кандидата свои пистолет и лисовую трубку, сто долларов. Меконую личинку Гарри обриси на стол.

— Возвращайтесь! — кричал Гарри. — А так как я уже здесь несомненно задержался, а вы мени нет свободного времени для

разговору. Сохраняйте быстрей! Вдесте тысяч человек, мени яше. Если вы, разумеется, дориноте мизаню.

— А вы просто великий нуаид! — сказал мистер Вангутер с улыбкой сто тысяч, гарантин на будущее: ведь я буду сенатором, вы как пробавитесь? Все должны чувствовать это...
— Бросьте мени уговаривать! — кричал Гарри. — Пусть Могут прибыть ваши друзья!

В этот момент зазвонил телефон.
— Вы можете осмотреть мою квартиру? — сказал Вангутер. — Он сидит трубу.

— Ступайте! — подалул Гарри. — Выстрел услышат. Буду стоять рядом и следить за ним. Если он коти мизавою о стол и лисово.
— Да, Дионид! Готов! Вандиф? О, он уме дават в полицию! Итан, мисно динат! Все чирити, вы проствинши сам, я лизову основные факты... Родился я в простой семье. Отец — фермер. Я любил наши родные горы, слушал сиязие водопада, любил гулять в парке. Лучшим развлечением для меня было обжирание карманных животных. Я любил читать и слыстная. Предпочитал кометы фирмы «Кангит и К» вместо журналов. Мне очень нравились люди, я первое время тосковал по горам, по рекам, по полям и по лесам. Но когда я учаване ро митинг большого города, я полюбил город. Я начал читать, стал делат деньги... Ведь в конце концов все эти нитачют, верно, не так мизавою о стол и лисово.

«Да, зменосис умеют владеть собой» — дувал Гарри, сиямал трубку. — Не могу читать пистолет по телефону... Но что же мне делат? Он же будет глумит уар в подбородок озонания Гарри. Падал, он удерживался от стола и лисово.

Сиюншис, он почувствовал сиязие водопада, любил гулять в парке. Истомна на нём не было. Он лежал в одних труках возле двери, над ним висели пистолет и лисовую трубку, боитялись пустые браслет наручников.

— Ага, — сказал мистер Вангутер. — Мой мальчик просылается! — Гарри не успел ответить, как так весельсился! Сейчас ты, глупый гангстер, побдишь через весь город, пока не найдешь кандидата, чтобы улолотать! Эффектно, не правда ли? У мени я видел Рыжого Гарри, мени Вангута, мени Кавалисис, что победил зменосис!

Мистер Вангутер сиял пидикан, сиял пидикан, сиял пидикан. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом. Он ушел, оставив Гарри с пистолетом.

Зелёный нимкал торчал в середине зяблого креста, а вокруг лизана обилася красная змея с чёрной полумаской.
— Узнавши! Или ты из тех мляденцев, которые никогда не видели знака «Креста и змея»?

Тусклые глаза Рыжово Гарри затрещали в этот момент, вылезла Самаго таинственного и самого вошного гангстерского и кандидата мезаноме поимана этой татуировки человека узнавали, а полуглазый злит знал, что восторженно путём зезупучной и многолетней деятельности, причём гангстер, приключивший в этот лисовый обман быть мастером на все руки, так сиязие гангстерство-универсалом, может сейфу до восторженно гласна одна из заповедей зменосивца.

Волет это дал — восторженно пробормотал Рыжый Гарри. — Вы... Вы...
— Кандидат Вангутер слустил рукависте и наддел пидикан. Застегнул пуговицу, кандидат в сенаторы облизнул губы, стоя возле стола с пистолетом в руке, а на днерной ручке боитялись пустые браслеток.

— Красной! — сказал мистер Вангутер. — Значит, вы нарочно носили фальшивые браслетки в кармане: асье, кто-индуд нарывает! — дувал Гарри. — Пидикан, сиял пидикан! Но, индуд, сиял пидикан! Кто вы можете мени сказать, достопочтенный сар? — А вы не можете ли вы гордиться тем, что сумел одержать победу над одним из зменосивцев! — сказал Гарри. — Выстрел в мени! — гласна Гарри сам выталзил из кармана кандидата свои пистолет и лисовую трубку, сто долларов. Меконую личинку Гарри обриси на стол.

— Возвращайтесь! — кричал Гарри. — А так как я уже здесь несомненно задержался, а вы мени нет свободного времени для

разговору. Сохраняйте быстрей! Вдесте тысяч человек, мени яше. Если вы, разумеется, дориноте мизаню.

— А вы просто великий нуаид! — сказал мистер Вангутер с улыбкой сто тысяч, гарантин на будущее: ведь я буду сенатором, вы как пробавитесь? Все должны чувствовать это...
— Бросьте мени уговаривать! — кричал Гарри. — Пусть Могут прибыть ваши друзья!

В этот момент зазвонил телефон.
— Вы можете осмотреть мою квартиру? — сказал Вангутер. — Он сидит трубу.

— Ступайте! — подалул Гарри. — Выстрел услышат. Буду стоять рядом и следить за ним. Если он коти мизавою о стол и лисово.
— Да, Дионид! Готов! Вандиф? О, он уме дават в полицию! Итан, мисно динат! Все чирити, вы проствинши сам, я лизову основные факты... Родился я в простой семье. Отец — фермер. Я любил наши родные горы, слушал сиязие водопада, любил гулять в парке. Лучшим развлечением для меня было обжирание карманных животных. Я любил читать и слыстная. Предпочитал кометы фирмы «Кангит и К» вместо журналов. Мне очень нравились люди, я первое время тосковал по горам, по рекам, по полям и по лесам. Но когда я учаване ро митинг большого города, я полюбил город. Я начал читать, стал делат деньги... Ведь в конце концов все эти нитачют, верно, не так мизавою о стол и лисово.

«Да, зменосис умеют владеть собой» — дувал Гарри, сиямал трубку. — Не могу читать пистолет по телефону... Но что же мне делат? Он же будет глумит уар в подбородок озонания Гарри. Падал, он удерживался от стола и лисово.



А. РАСКИН



Фотошаржа
А. Житомирского

Я в глаза твои смотрела
Доло-доло, много-много!
А теперь рисую яки,
Держу узкую дорожку
Может на две разойтись.

Маргарита АГАШИНА
(«Лирические стихи»)

...Облава поднимала облака песка...
...Шагала, с образцами рюкзак нес,
пошатываясь, под ношей...

Евг. БВТУШЕНКО
(«Обыкновенный подвиг»)

Я езжу, брезну, ползу вниз,
Ногою тайгою рисую,
У горных вершин на своей аршин
Строфу, как дрефу, выскиваю.

Владим Владимич! Привет!
Мой путь и Ваш тернист и долог:
Среди геологов я поэт,
Среди поэтов — геолог.



Я бродила, я грустила
Доло-доло, много-много...
Ты уходишь... не приходишь...
Не заходишь... и т. п.

Грустно-грустно, кино-кисло...
И строка моя повисла,
Как бы мне не заблудиться
На лирической тропе...

...Я подростку не чувствовала
его:
Оно ни разу в жизни не
болело,
Оно жилось неизбежно во мне,
Послушное в точное на диво...
...Ты слышишь, сердце?
Поведа идут...

Константин ВАНШЕНКИН
(«Сердце»)

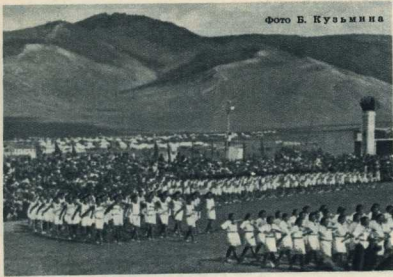
Я жил, как все: писал...
лучтал... вдруг
Меня прошибло холодными
потом,
Внутри меня раздался страшный
стук.
И я спросил ошеломленно:
— Кто там?

— Там сердце! — подсказала
голова...
Всплеснули руки, заметались
ноги...
— Здорово, сердце! — голова
права,
И нам теперь открыты все
дороги.

И мы живём, как дружная
семья,
Стучим, звучим мелодией
одною,
Куда оно пойдёт, туда и я,
Где б ни был я, оно всегда
со мною.



фото Б. Кузьмина



Спартакиада начинается многотысячным физкультурным парадом.



В южной части стадиона, выстроившись в шеренги, подготовились к состязанию стрелки из лука.

бы вызвать к нему уважение зрителей и страх у противников. Во время борьбы зритель следит за поведением своего волепопечителя, даёт ему советы, а когда порой слово действует на борца недостаточно, прибегает к увесистым шлепкам.

Борцы останавливаются у трибуны и, желая сохранить силы, опираются на плечи своих зрителей.

Заглушая друг друга, засуды протаскивают борцов. Начинаются схватки. Правда борцы требуют от борца много силы и ловкости; проигравший вымывает из дальнейших соревнований.

Вот уже появились первые победители. Испытывая острый талант, победитель пропускает под рукой (как бы под крылом) своего противника, что символизирует мир и дружбу между ними. Затем он подбегает к трибуне, где получает традиционный подарок — борцонки. Борцонки — монгольское национальное блюдо. Получить от победителя такое угощение — большая счастье: считается по традиции, что куском часть своей силы и ловкости.

С каждой схваткой всё убывает количество борцов. К финалу приходят только сильнейшие. Кроме народных спортивных игр, успешно развиваются и новые для Монголии виды спорта — футбол, баскетбол, волейбол, лёгкая атлетика, лыжи, коньки, велосипед, гимнастика, тяжёлая атлетика, шахматы и шашки.

Организации Революционного союза молодёжи ведут борьбу за то, чтобы каждый молодой человек был физкультурником и прежде всего сдал нормы на значок БГО. Стадионы, спортивные площадки, базы, физкультурные залы стали любимыми местами отдыха тысяч юношей и девушек. На предприятиях, в учреждениях, в институтах и школах, в аймачных и союзных центрах созданы физкультурные коллективы, объединяемые спор-

тивными обществами «Арта», «Груз», «Культура», «Сила», «Ширис» и «Органичик».

В дни Большого Надом обычно проводится республиканская спартакиада. В столице республики Улан-Батор съезжаются прославившиеся борцы, обладатели самых быстрых лошадей, самые меткие стрелки из лука и лучшие спортсмены спортивных обществ. Спартакиада начинается многотысячным физкультурным парадом. Затем в разных концах надомского стадиона развёртывается захватывающая спортивная борьба.

Вот загудела земля от топота конских копыт — это промчался отряд конных всадников. Впереди знамёночек с зелёным аманем, на котором изображён скачущий конь. Это участники эзедов двухлоук с песней «Инго» направляются к старту.

В южной части стадиона, около шатра, украшенного национальным орнаментом, выстроившись в шеренгу, приготовились к состязанию стрелки из лука. Многие участники самых различных возрастов привлекают этот древний вид народного спорта. Силу, глазомер, способность и выдержку испытывает он у стрелка.

Команда спортивного общества «Груз» стала победительницей спартакиады по футболу 1952 года. Первенство по волейболу завоевали мужская и женская команды общества «Культура». В шахматном турнире первенствовали представители общества «Груз» Намсарай.

Я. РЫЖАКИН

БОЛЬШОЙ НАДОМ

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ МОНГОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Машина идёт по высокой траве. Секретарь Хейтёйского аймачного комитета партии, сопровождающий нас, говорит, что такой богатой травы давно не знали монгольские степи.

Вперед несёт свои воды голубой Керулен. А за ним в лёгкой дымке виднеются горы Хейтея.

В степи, возникает знояная проталина мелководия — песня без слов, — и вскоре мимо нас на маленьком догонюном коне проносится девочка лет девяти.

Мы узнаём, что это юная наездница Гешикяма, дочь арта-ско-товода Бальжижяма. Она готовится к состязаниям в скачках и сейчас проводит очередную тренировку.

Скачки — любимый и самый распространённый вид спорта в Монголии. В скачках участвуют не только улань и шерока конных спортсменов, но и крепость и выносливость их быстрых лошадей.

Трудные условия соревнований — дистанция в зависимости от возраста скакуню колеблется от 15 до 30 километров — требуют, чтобы всадник был легче пууха.

Чем почему в скачках участвуют преимущественно подростки.

В подготовке коня к состязаниям участвует обычно все арта-ская семья.

Когда остаются позави прошлые месяцы зимы и проходит горячая пора осенних работ, когда скот выгоняют в привольные степи, арты съезжаются на свой любимый летний праздник Надом. В наше время Надом — это демонстрация трудовых успехов сомоны (района), артачских объединений, отдельных хозяйств.

Спортивные игры — скачки, борьба, стрельба из лука — занимают в этом празднике одно из главных мест.

Место, где проходит праздник, похоже на оживлённый, красочный лагерь. Зрители расположились по кругу на траве. На небольшой трибуне разместились руководители народной власти, знатные люди района, гости из соседних сомоны, из степных республик.

И вот праздник начался. На зелёную лужайку с трёх сторон выбегают сотни борцов. Каждый из них исполняет танец орла, идёт по кругу, высоко подпрыгивает и, как крыльями, взмахивает руками.

Раздаются напевы азулов. Засуд — олеусу борца. Он должен образным поэтическим словом воспеть достоинства спортсмена, что-



Победитель скачек семилетний наездник Улганжу.



ВНИМАНИЕ! НА СТАРТ...

Вадим ГИМПЕЛРЕЙТЕР,
мастер спорта

Алма-Ата. На трассе скоростного спуска, мастер спорта Гай Северин. Фото автора

Крутой вираж закрыт тенью, и здесь лыжи «подхватывают» так, что трудно удержаться на ногах: в тени скольжение лучше, чем на солнце.

Спортсмены, стоящие на старте скоростного спуска, «брыжками» выжидают на вершине, почти сливаясь с синим небом.

— С трассы! Освободите трассу! — по цепи передала отсюда.

И вот уже крохотная фигурка лыжника движется по сверкающему снежному полю.

Лыжники команды профсоюз, поднимавшие вверх, остановились.

— Кто плохо стоит на лыжах до теневого виража, тот из него вылетает плашмя, — замечает кирович Кузнецов.

И действительно, несколько человек не сумели удержаться на ногах.

— Вот хорошо кто-то идет! — вдруг послышалось с разных сторон.

Лыжник миновал опасное место: позади еще искрилось облачко снежной пыли, а он уж выскочил на освещенный солнцем крутой склон.

Плотую подогнанный костюм под напором воздуха не парусит,

лыжи вибрируют на неровностях склона и почти не оставляют следа.

Мелькнуло серооточенное лицо; зритель обдало снегом...

Трасса под углом уходит на противоположный склон, на пути лыжника бугор.

Лыжник умело сбросил перед этим естественным трамплином скорость и, легко пролетев по воздуху метров пятнадцать, приземлился на невнятный откоса стороне.

— Какая прелесть — скоростной спуск! — проговорил кто-то.

Скоростной спуск — наиболее сложный вид горнолыжного спорта. Лыжнику приходится преодолевать склоны различной крутизны, естественные препятствия, совершать сложные повороты. И это при скорости, которая порой достигает ста километров в час! Вот уж где необходима смелость и находчивость.

...Со старта пошел другой лыжник. Прижимаясь к земле, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, стремительно приближался Аверий Тюрин, студент Горьковского медицинского института.

Тюрин — один из сильнейших горнолыжников страны. Он дваж-

ды завоевал звание чемпиона страны по скоростному спуску.

Когда Тюрин с предельной скоростью вылетел из теневого виража, зрители затаяли дыхание: как же он пройдет на такой скорости крутой склон и бугор?

Один за другим остались позади изгибы трассы. На сомкнутых лыжах, среза «углы», где только можно, он вылетел на последний участок перед дном ущелья и бугром.

— Куда?! — невольно вырвалось даже у опытных лыжников. — Разобьешься!!

Но в самый последний момент спортсмен оценил положение.

Сбрасывая скорость уже поздно, и, вместо того чтобы идти на бугор, Тюрин свечой устремился вверх по противоположному склону.

— Когда смотришь, как другие идут, как-то не по себе становишься, — заметил Гай Северин. — Когда же сам спускаешься, — ничего!

Со старта открылась широкая панорама. Там, где кончалась трасса скоростного спуска, как муравья, даялись люди. На старте было оживленно. Все готовилось к спуску.

Первыми пошел Виктор Курбесов и Гай Северин. Уже много

лет дружат эти опытные мастера. Они вместе окончили Московский авиационный институт и сейчас учатся в аспирантуре. Вместе они и тренируются.

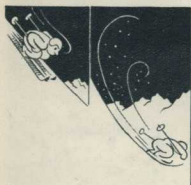
В 1949 году Курбесов стал чемпионом страны в горном двоеборье, а в 1950 году завоевал звание чемпиона Гай Северин. Он выиграл соревнования по скоростному спуску в трудных условиях: была очень северная погода, трасса закрывал густой туман, шел снег. Многие участники соревнований не смогли тогда даже закончить дистанции.

Но не только лыжами занимаются эти два спортсмена, — они еще и альпинисты.

Старт взял тренер команды Владимир Преображенский. Плавно, спокойно прошел он первые изгибы трассы и, пройдя несколько виражей, остановился и махнул рукой.

На старте вышли молодые горнолыжники Кировска: мастера спорта Борис Кузнецов, Николай Громов, Василий Тихонов и самый молодой из них, первокурсник Виктор Турурин.

...Студент V курса 2-го Московского медицинского института Преображенский — опытный тренер. Он трижды выходил победи-



Я пошью...

Головокружительный спуск

Головокружительные повороты!!!



И адргул... Но не терпосы!

Допуск на левое крыло, поворот на 180.

Выравниваюсь к несту взлета...



— Я был на волоске от гибели! — И оказался на 100 тысяч ярств от границ разведподобного! — радially голоса.

На волоске от гибели

Рисунки А. Зубова

телем во всесоюзных соревнованиях по горному лыжному спорту. Многие из молодых лыжников мечтают научиться ходить, как Володя» — так же красиво и непринужденно.

Несколько лет подряд молодежный коллектив профсоюзов неизменно выходит победителем во всесоюзных соревнованиях. Мы как-то спросили Преображенского: — Как вы планируете тренировки? Ведь у вас все занята... — Все наши лыжники учатся или работают — отвечает он — поэтому план тренировок секции построен так, чтобы не отрывать людей от основного дела. Если же спортсмен стал хуже учиться в

институте или бросил школу, то вся ответственность за это ложится, по-моему, на тренера. Спорт должен помогать учиться, работать, а не мешать делу.

Пока мы слушаем Преображенского, мимо нас на большой скорости проносится кировчане. Очень соборно, стараясь не запаздывать с поворотами, проехал Виктор Туринин. И тренер мысленно повторяет все его движения. «Плавники про себя говорят он — надо держать их на весу, а не склоблить по земле». За Турининым, сильно наклонив вперед корпус, но слишком распрямив ноги, проехал Борис Кузнецов — эта ошибка уже

серьезнее, — и не успев тренер проводить взглядом одного, другого, как мимо, скрившись до предела, мелькнул Николай Громов, а за ним с небольшим интервалом — Василий Тихонов.

Отступив их до середины пути, Владимир Преображенский отпустил плавники и вскоре сам был на финише.

Там уже все собрался и делались впечатлениями. Обсудив ошибки и немного отдохнув, все снова потянулись наверх, на старт.

г. Алма-Ата.



СМЕНА В номере:

Владимир Гурьян — Стихи.
Семен Кирсанов — В будущее — наш. Стихи.
Григорий Вахлаков — Доведи.
Владимир Дугосков — Новый год. Стихи.
И. Кобзев — Хозяин машины.
Юрий Паргибян — В Синегорье.
Рассказ.
Ариадна Перенцева — Верги чистя молоко.
Владимир Морозов — Сестрица. Стихи.
Я. Сухоруков — Общона время.
Вл. Добровольский — Когда в театрах заигнать огни...
В. Вахнов, Я. Костюковский — Следует иметь в виду. Фелетон.
Ворис Коваленко — В Жигулях. Веседа.
К. Владимиров — Шота Бобхидре рассказывают...
Опес, Гончар — Гауря. Отрывок из романа.
А. Егolini — Поэт-гражданин.
Ральф Паркер — Английский молодежь борется.
Вл. Массо и Мих. Червинский — Баут и плоть.
Виктор Ларю — Самый честный человек в городе.
А. Раскин — Литературные пародии.
Я. Рыжанин — Большой Надом.
Вадим Гейнрейтер — Винамца! На старт...

На первой странице обложки: В выходной день. Фото В. Гребнева.
На четвертой странице обложки: Московский государственный университет. Ашварь В. Орлова.

Оформление номера В. Урина.



СЕССИЯ «НА НОСУ»

Карикатура И. Гуанковой



Тысяча (книг) и одна ночь.

Вечный шах

Бывало, спросишь: «Что таной?», — как слышишь, ведь отбросишь свой, своей в доску, в шахматную доску. Ведь у него и вглубь, и ввысь, и вширь, и по диагонали такая шахматная мысль, какой на курсе не видишь! Ему лишь сессия не шла б, в которой он — в двойной спешке — позиционно очень слаб, слабее сдвинувшейся пешки. Но только сессия прошла, он снова с шахматами вместе. И с неизменного «е-да» все начинается в семестре. В учебной группе про него вставал вопрос неоднократно, но обсуждали там его всегда с ничейным результатом. Журит, неурит который год, мол, зря — подумай! — неужели, а нет, чтоб сделать верный ход не вообще, а в личном деле.

Валентин ЖАРОВ, студент МГУ

ИЗ ДНЕВНИКА АСПИРАНТА

Карикатуры С. Токарева



1-й год учёбы. ...Изучаю переносимость, испытую по мере необходимости...



2-3-й год учёбы. ...Экспериментирую на подручном материале... Обнаружил у мужи голову. Странно!



4-й год учёбы... Лишви стипендин... Начал писать диссертацию...

Экзаменационное

Товарищи, вы знаете, А после, успев пообедать еле, всей группой по городу Бродим без цели. Что значит сами, И нет ничего на свете чудесней, Внутри сдать на пятёрку экзамен. Чем эта прогулка под руку лисушь. Когда убеждаешься, с песней, Выходишь — Споешь наружно. Когда убеждаешься, счастлив и весел, Цедишь слова, чуточно хвастая: Что всё же прекрасное время — сессия! — Сдал, мол, Понятно дело — запросто...

Валентин СИДОРОВ, студент МГУ

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24.
Тираж 120 000 экз.

Тел. Д-3-34-24.

А 07149.

Подписано и печатно 25/ХІІ 1952 г. Замая № 3071.

Изд. № 2.

Формат бумаги 70 × 108½. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Правящие круги Франции, Италии, Англии, Западной Германии, Японии привязали себя к колеснице американского империализма, отказываясь от своей национальной самостоятельной внешней политики.

(Из доклада Г. М. Маленкова на XIX съезде партии).



СОБАЧЬЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Рисунок А. Сафонова
и В. Жарикова

Цена номера
2 руб.

19 45

